Зона Икс

mysterium

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР

КОНСОЛИДАЦИЯ

ЖУТКО И ЗАВОРАЖИВАЮЩЕ

Стивен Кинг

ЭКСМО

Annotation

В таинственной Зоне Икс не бродят мутанты и охотники за наживой, оттуда не приносят удивительных артефактов. Там просто исчезают навсегда – или возвращаются, но странно и жутко изменившись. В очередной бесплодной экспедиции сгинула директор Южного предела – тайной правительственной организации, изучающей Зону. Теперь новому директору предстоит разобраться в наследии пропавшей. Проблема в том, что для постороннего эта организация оказывается загадкой не менее запутанной, чем сама Зона. Где результаты исследований? Почему так странно ведет себя персонал? Чем здесь занимаются на самом деле? Проникая в тайны Южного предела, новый директор приближается к ужасающему открытию…

Джефф Вандермеер
Консолидация

© Филонов А. В., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Ворожба

Посвящается Энн

000:

В снах Контроля царит раннее утро, небо насыщенно-синее с едва проклевывающимся намеком на свет. Он смотрит со скалы в пучину, залив, бухту. Каждый раз по-другому. Его взгляд проникает в недвижную воду на целые мили. Он видит океанских левиафанов, скользящих в глубине, будто субмарины, колоколообразные орхидеи или широкие корпуса кораблей, безмолвные, пребывающие в непрестанном движении, и сами их размеры источают такое ощущение мощи, что даже высоко над ними он чувствует потрясения, порождаемые их прохождением. Часами взирает на их формы, движения, вслушивается в шепоты, эхом докатывающиеся до него… а затем падает. Медленно, невероятно медленно, беззвучно падает в темную воду, без всплеска, без малейшей ряби. И продолжает падение.

Порой это случается наяву, словно он был недостаточно осмотрителен, и тогда он беззвучно повторяет собственное имя, пока реальный мир не возвращается к нему.

001: Падение

День первый. Начало его последнего шанса.

– Это и есть выжившие?

Контроль стоял рядом с заместительницей директора Южного предела за замызганным односторонним зеркалом, глядя на троих индивидуумов, сидящих в комнате для допросов. Вернувшихся из последней экспедиции в Зону Икс. Первой из экспедиций Двенадцатой цикла, или Х.12.А, если говорить точно.

Заместительница директора – высокая худая чернокожая женщина в возрасте за сорок – не откликнулась, что ничуть не удивило Контроля. С момента его прибытия нынче утром, потому что понедельник он посвятил обустройству, она не одарила его лишним словом. Да и взглядом, если уж на то пошло, исключая лишь момент, когда он указал ей и остальному персоналу звать его Контролем, а не Джоном или Родригесом. Помедлив мгновение, она ответила: «В таком случае зовите меня Пейшенс, а не Грейс», – к сдержанной потехе присутствующих. Смена значащего имени «милость» на столь же значащее «терпение» заинтересовала его. «Ладно, – ответил он. – Я могу звать вас просто Грейс», – в полной уверенности, что это придется ей не по нраву. Она парировала тем, что постоянно упоминала о нем как об «исполняющем обязанности» директора. И это было правдой: между ее восхождением на должность и его вознесением лежала пропасть, бездна времени и заполненных формуляров, выполненных процедур, откапывания и найма персонала. Так что до поры вопрос о полномочиях оставался открытым.

Но Контроль предпочитал воспринимать ее не как милость или терпение, а как абстракцию, а то и обструкцию. Она заставила его высидеть старое вводное видео о Зоне Икс, хотя наверняка знала, что оно охватывает лишь азы и давно устарело. Она уже дала понять, что их отношения будут строиться на враждебности. Во всяком случае, с ее стороны.

– Где их обнаружили? – спросил он теперь, хотя на самом деле хотел спросить, почему их не держат порознь. Из-за нехватки дисциплины, из-за того, что ваш департамент давным-давно превратился в крысиное гнездо? Крысы сейчас в подвале, грызут все подряд. А может, уже в стенах.

– Прочтите материалы, – отрезала она, давая понять, что ему следовало уже сделать это.

И вышла из комнаты.

Оставив Контроля в одиночестве созерцать папки на столе перед собой и трех женщин по ту сторону стекла. Конечно же, он прочел досье, но надеялся тихой сапой скользнуть мимо недреманной бдительности заместителя директора, а то и услышать ее собственные мысли. Он местами прочел и ее личное дело, но по-прежнему не имел о ней ни малейшего представления, не считая ее реакции на него самого.

Его первому рабочему дню едва исполнилось четыре часа от роду, а Контроль уже почувствовал отравляющее воздействие потрепанного, гротескного здания с истертым зеленым ковролином и закоснелыми мнениями встретившегося персонала. Ощущение упадка пронизывало все и вся, даже солнечный свет вливался в высокие прямоугольные окна как-то неуверенно и уныло. Контроль надел свой обычный черный блейзер и брюки, белую рубашку с голубым галстуком и черные туфли, надраенные сегодня утром до блеска. И теперь ломал голову, зачем было так стараться. Ему не нравились такие мысли, потому что он и сам находился не над всем этим, а в самой гуще, но отогнать их было трудновато.

Контроль не спеша разглядывал женщин, хотя вид их ему практически ничего не говорил. Всем им выдали одинаковую спецодежду, в которой они смутно напоминали то ли военных, то ли уборщиц. Головы всем им обрили, словно они перенесли заражение некими паразитами вроде вшей, а не нечто куда менее постижимое. У всех на лицах было написано одно и то же выражение, вернее сказать, отсутствие всякого выражения. Не воспринимай их как обладательниц имен, внушал он себе в самолете. Пускай поначалу несут лишь бремя своих функций. А все остальное потом. Но поддержание отстраненности никогда не было сильной стороной Контроля. Ему всегда нравилось погружаться, отыскивая уровень, на котором детали проясняются, не ошеломляя его.

Топографа нашли на заднем дворе ее дома, сидящей в кресле в патио.

Антрополога обнаружил ее муж, когда она постучала в заднюю дверь дома, где он ведет свою медицинскую практику.

Биолога застали на пустующей заросшей стоянке в нескольких кварталах от ее дома, уставившей взор на крошащуюся кирпичную стену.

В точности как и члены предыдущей экспедиции, ни одна из них не имела ни малейшего представления, как отыскала обратную дорогу через невидимую границу Зоны Икс. Ни одна не знала, как обошла блок-посты, заграждения и прочие препятствия, выставленные военными вдоль границы. Ни одна не ведала, что случилось с четвертым членом экспедиции – психологом, на самом деле заодно являвшейся директорисой Южного предела и отвергшей все возражения против того, чтобы она инкогнито возглавила их.

Похоже, ни одна из них толком не помнила вообще ничего.

В то утро, наведавшись ради завтрака в кафетерий, Контроль поглядел за широкое, во всю стену, окно во двор с уймой каменных столиков, а потом на людей в шаркающей очереди – как-то их маловато для столь обширного здания – и спросил Грейс:

– А почему это никто не испытывает особого восторга от того, что экспедиция вернулась?

Она одарила его долготерпеливым взором, будто особенно тупого ученика класса для умственно отсталых.

– А как по-вашему, Контроль? – она уже ухитрилась наделить это прозвище ироническим оттенком, так что он почувствовал себя грузилом на одной из дедовских удочек, которому суждено торчать в илистых наслоениях у дна десятков озер. – Мы все это уже проходили с прошлой экспедицией. Им пришлось вытерпеть девять месяцев бесплодных допросов. И все это время они умирали. Как бы вы себя при этом чувствовали?

Долгие месяцы немоты и дезориентации, а потом смерть от особенно злокачественной формы рака.

Он медленно кивнул в ответ. Разумеется, она права. Его отец умер от рака. Контроль даже не задумывался, как такое могло сказаться на персонале. Для него это пока что просто абстракция, просто слова в отчете, чтиво в самолете, идущем на посадку.

Здесь ковролин стал темно-зеленым, подчеркивая светло-зеленый узор в виде стилизованных стрел, сплошь указывающих наружу, в сторону двора.

– А почему здесь так мало света? – поинтересовался Контроль. – Куда девается весь свет?

Но Грейс прекратила отвечать на его вопросы.

Когда одна из трех – биолог – чуть повернула голову, поглядев на зеркало так, будто способна видеть его, Контроль спрятал глаза от этого взгляда с чем-то вроде запоздалого смущения. Хотя его пристальный взгляд был сугубо беспристрастен и профессионален, они вряд ли сочли бы его таковым, даже зная, что за ними наблюдают.

Контролю не сказали, что первый же день он посвятит допросам дезориентированных женщин, вернувшихся из Зоны Икс, хотя Центр наверняка ведал об этом, когда предлагал ему этот пост. Членов экспедиции подобрали почти шесть недель назад, а затем подвергали тестам в пункте приема и обработки на севере, прежде чем отправить в Южный предел. В точности так же, как и его сперва отправили в Центр, чтобы две недели изводить инструктажами, включая и перебои – целые дни, провалившиеся в небытие без каких-либо происшествий, словно так и было задумано с самого начала. А затем все понеслось галопом, и у него сложилось впечатление безотлагательной спешки.

И это тоже вошло в число деталей, вызывавших нечто сродни мелочной раздражительности или досаде, накатывавшей на него с самого момента прибытия. Голос, его главный контакт в верхних эшелонах, во время вводного инструктажа намекал, что это чуть ли не синекура, учитывая его опыт. Южный предел превратился в тихую заводь, захолустное агентство, стерегущее дремлющие секреты, до которых уже никому вроде бы и дела не было в свете террористической угрозы и экологического кризиса. Голос в своей грубоватой манере охарактеризовал его миссию «для начала» как «освоиться, оценить, проанализировать, а затем копать вглубь», что отнюдь не было типично для его заданий в последнее время.

Свою карьеру – надо признаться, и возносившую, и низвергавшую его – Контроль начал как полевой оперативник: внешнее наблюдение за отечественными террористическими ячейками. Затем его перебросили на синтез данных и организационный анализ – не менее двух дюжин дел, сходных до банального, распространяться о которых он не имел права. Дел, для публики невидимых, – тайная история ничего. Но притом он все более и более превращался в наладчика, прежде всего потому, что зарекомендовал себя как человек, лучше анализирующий специфические проблемы других людей, чем решающий собственные заурядные. Если он в свои тридцать восемь и стал известен хоть чем-нибудь, то именно этим. А это означало, что вовсе не обязательно было задерживаться там надолго, хотя сейчас как раз этого он и хотел – поучаствовать в чем-то от начала и до конца. Опять же, никто не испытывает искренней симпатии к наладчикам – субъектам, показывающим людям, почему у них дела идут наперекосяк, особенно если они считают, что этот наладчик сам давным-давно не в ладу с собой.

Начиналось всегда хорошо, хоть и не всегда хорошо заканчивалось.

Притом Голос не счел нужным упомянуть, что Зона Икс расположена по ту сторону невидимой границы, по сей день, более тридцати лет спустя, остающейся непостижимой ни для кого. Нет, это Контроль узнал лишь при изучении материалов, а потом из ненужного пересмотра вводного видео. Равно как и не догадывался, что заместительница директора так возненавидит его за приход на смену пропавшей директрисе. Хотя догадываться как раз очень даже мог: согласно крохам сведений в ее личном деле, она происходила из низов среднего класса, училась поначалу в государственной школе и вынуждена была потрудиться куда усерднее, чем большинство, чтобы пробиться на нынешний пост. В то время как Контроль заявился под шепоток, что он – отпрыск эдакой незримой династии, что, естественно, вызывало раздражение. Насчет династии – это был факт, даже если при

ближайшем рассмотрении она больше смахивала на переходящую из рук в руки франшизу.

– Они готовы. Пойдемте со мной, – скомандовала из дверей Грейс, вновь явившись как по волшебству.

Есть целый ряд способов сломить сопротивление коллеги – или его волю, осознавал Контроль. Вероятно, ему придется перепробовать все их до единого.

Взяв со стола две папки из трех и не сводя глаз с биолога, Контроль с натугой порвал обе пополам и уронил их в корзину для мусора.

Сзади донесся сдавленный всхлип удушья.

Теперь он обернулся – чтобы принять на себя всю мощь бессловесного негодования заместительницы директора. Но попутно в ее взгляде промелькнула и настороженность. Хорошо.

– Зачем вы до сих пор держите бумажные документы, Грейс? – вопросил он, делая шаг вперед.

– Директриса настаивала. Неужели делать это было столь уж необходимо?

Контроль проигнорировал ее слова.

– Грейс, почему всех вас так напрягают слова «внеземная» или «инопланетная» в разговорах о Зоне Икс, что вы их не употребляете? – Впрочем, его и самого от них коробило. Когда-то, как только ему раскрыли правду, он ощутил разверзшуюся в душе циклопическую, порожнюю расселину, заполненную его собственными воплями и вскриками недоверия. Но не обмолвился ни словом. У него было лицо игрока в покер – так говорили ему любовницы, родственники и даже незнакомцы. Ростом футов шесть. Невозмутимый. Поджарое, мускулистое телосложение спортсмена. Способен пробежать многие мили и даже не почувствовать усталости. Гордится правильным питанием и регулярными упражнениями, хотя и любит виски.

– Никакой уверенности нет, – стояла она на своем. – Нельзя строить поспешных домыслов.

– Даже спустя столько времени? Мне нужно побеседовать лишь с одной из них.

– Что? – переспросила она.

Натуга в ладонях трансформировалась в натугу в разговоре.

– Мне не нужны остальные досье, потому что мне необходимо опросить лишь одну из них.

– Вам нужны все три, – словно она до сих пор так и не поняла.

Он развернулся, чтобы взять оставшуюся папку:

– Нет. Только биолог.

– Это ошибка.

– Семьсот пятьдесят три – не ошибка, – возразил он. – И семьсот двадцать два тоже не ошибка.

– С вами что-то не так, – с прищуром поглядела Грейс.

– Оставьте биолога там, – ответил Контроль, по-прежнему игнорируя ее слова, но перенимая ее стиль речи. *Я знаю то, что вам неизвестно.* – Остальных отошлите обратно в их комнаты.

Грейс уставилась на него, как на какого-то грызуна, словно не могла решить, омерзителен он или жалок. Однако секунду спустя чопорно кивнула и снова удалилась.

Контроль расслабился и перевел дух. Хоть она и принимает от него приказания, но еще неделю-другую штат в полной ее власти, так что она может держать его в узде тысячами

различных способов, пока он наконец не обоснуется окончательно.

Алхимия это или истинное волшебство? Не заблуждался ли он? Имело ли это значение? Если он ошибался, то каждая из них все равно ничем не отличалась от остальных.

Да, это имело значение.

Это был его последний шанс.

Так сказала ему мать перед отправкой сюда.

* * *

Мать частенько представлялась Контролю зарницей, сполохом света на далеких ночных небесах. То она здесь, то уже нет, то нет, то здесь, и всегда в памяти, пожалуй, с капелькой недоумения: откуда этот свет. Но *понять* это по-настоящему просто невозможно.

Будучи единственным ребенком, Джеки Миранда Северенс[1] пошла на службу по стопам отца и достигла вершин: теперь она функционирует на таких высотах, какие дедушке Контроля, Джеку Северенсу, и не снились, а ведь он был агентом, удостоенным уймы наград. Джек воспитал ее проницательной, организованной, готовой к лидерству. Насколько Контролю было известно, дедуля заставлял его мать с детства проходить полосу препятствий из покрышек и гвоздить штыком мешки с мукой. Семейных альбомов, способных подтвердить это или опровергнуть, было немного. В чем бы ни состоял процесс, отец попутно вскормил в ней нечто сродни небрежной жестокости, предвкушению высоких результатов и некой расчетливости, проявляющейся в кажущемся равнодушии к участи других.

В качестве далекой зарницы Контроль истово восторгался ею, даже следовал за ней, хоть и на куда более низких высотах… Но в качестве родительницы, даже когда она была рядом, у нее не ладилось с такими задачами, как забрать его из школы, не забыть о его обеде или помочь с домашним заданием – она редко сосредоточивалась на чем-нибудь считающемся важным в приземленном мирке по эту сторону линии водораздела. Хотя она всегда подбадривала его во время его полета очертя голову по служебной лестнице вверх и вниз.

Зато дедушка Джек, со своей стороны, никогда не был в особом восторге от этого, а однажды поглядел на него и сказал: «Не думаю, что у него хватит духа». Подобная оценка для шестнадцатилетнего мальчишки, уже вставшего на этот путь, оказалась просто сокрушительной, но притом сделала его более решительным, более целеустремленным, более нацеленным в небо, к свету зарниц. Впоследствии ему пришло в голову, что, может статься, как раз потому-то дедушка так и сказал. В характере деда было что-то от непредсказуемости лесного пожара, в то время как мать – ледяное синее пламя.

Когда ему было восемь или девять, они отправились в летний коттедж у озера – «наш частный шпионский клуб», как назвала его мать. Только он, мать и дедушка. В углу стоял старый телевизор, напротив – диван, протертый до дыр. Дедушка заставил его двигать антенну, добиваясь более качественного приема. «Еще чуток левей, Контроль, – говорил он. – Еще самую чуточку». А мать в другой комнате просматривала какие-то рассекреченные дела, принесенные с работы. Вот так он и заработал свое прозвище, не догадываясь, что дедушка позаимствовал его из шпионского жаргона[2]. Подростком он носил это прозвище как знак отличия, считая его крутым, данным дедушкой по любви. Но при том был достаточно

прозорлив, чтобы много лет не называть его никому за пределами семьи, даже девушкам. Пусть думают – и Грейс, и ее когорта, – что это короткое прозвище из старших классов, где он был запасным квотербеком[3]. «Теперь чуток правей, Контроль». Вбрось этот мяч, как звезда. Главное, что ему нравилось в роли квотербека – это знать, где будут находиться принимающие, и попадать по ним. И хотя на тренировках это всегда удавалось лучше, чем во время игры, он находил чистейшее упоение в подобной точности, геометрии и предвидении.

Повзрослев, он присвоил «Контроль» себе, хоть и чувствовал в этом словечке язвящий укол снисходительности, но к тому времени уже никак не мог осведомиться у дедушки, это ли он имел в виду или нечто иное. Оставалось лишь гадать, не настроил ли деда против него тот факт, что он посвящал в коттедже у озера чтению столько же времени, сколько рыбалке.

Так что, да, он принял это прозвище, овладел им, перекроил его и дал ему пристать. Но сейчас впервые сказал сослуживцам, чтобы звали его Контролем, хотя и сам не мог толком понять почему. Это просто произошло как-то само собой, словно он таким образом мог в самом деле начать с чистого листа.

Чуток левей, Контроль, и, может быть, ты поймаешь этот сполох света.

* * *

Почему пустынная стоянка? Об этом он гадал с того момента, как посмотрел запись камеры наблюдения в это утро. Почему биолог вернулась на заброшенную стоянку, а не к своему дому? Две другие вернулись к чему-то личному, в места, к которым питали некую эмоциональную привязанность. Но биолог час за часом стояла на заросшей стоянке, не замечая ничего вокруг. За сотни часов просмотра видеозаписей с подозреваемыми Контроль поднаторел в выискивании даже самых заурядных манер и нервных тиков, означающих, что сигнал пошел… но на этой пленке не было ничего подобного.

Ее присутствие там было отмечено Южным пределом благодаря рапорту местной полиции, арестовавшей ее за бродяжничество: запоздалая реакция, вызванная активными поисками, после того как Южный предел подобрал двух других.

А затем встал вопрос о лапидарности против лапидарности.

753. 722.

Ниточка тоненькая, но Контроль уже ощутил, что его задание опирается на детали, на детективную работу. Ничего не дастся легко. Тут не стоит рассчитывать на везение, это не какой-нибудь дилетант-бомбист с куриными мозгами, вооруженный удобрениями и какой-нибудь бэушной идеологией, разваливающейся в хлам после двадцати минут пребывания в комнате для допросов.

Во время предварительных собеседований, прежде чем решить, кто отправится в двенадцатую экспедицию, биолог, согласно стенограммам бесед в ее личном деле, ухитрилась изречь всего 753 слова. Контроль пересчитал их. Считая и слово «завтрак» – полный ответ на один из вопросов. Этот отклик привел Контроля в восторг.

Он считал и пересчитывал эти слова во время затяжного периода ожидания, пока настраивали его компьютер, выдавали ему электронный пропуск, пароли и коды доступа и выполняли все прочие ритуалы, ставшие чересчур знакомыми Контролю за время прохождения через различные агентства и департаменты.

Он настоял на размещении в кабинете бывшей директрисы, несмотря на попытки Грейс

упрятать его в приукрашенный чулан вдали от всего и вся. Вдобавок настоял, чтобы в кабинете оставили все как есть, даже личные вещи. Мысль, что он будет копаться в барахле директрисы, пришлась ей явно не по нраву.

– Вы сам не свой, – изрекла Грейс, когда остальные удалились. – Как будто вы вообще не здесь.

Он просто кивнул: возражать, что это несколько странно, было бессмысленно. Но раз уж он здесь, чтобы все оценить и возродить, ему нужно четко представлять, насколько сильно все пошатнулось, а, как однажды сказал какой-то социопат в другом месте, «рыба гниет с головы». Разумеется, рыба гниет целиком, распад тканей не ведает иерархии и не управляется кастовыми различиями, но мысль ясна.

Контроль немедленно обосновался за монументальным столом посреди папок, громоздящихся грудами и кучами, наслоений записок и клейких листочков… в вертящемся кресле, дающем грандиозный панорамный вид на книжные шкафы вдоль стен, перемежающиеся с пробковыми досками, покрытыми пластами клочков бумаги, приколотыми и пришпиленными слой за слоем так, что обрели сходство с диковинно-изящными, но бессистемными художественными инсталляциями. Запах в комнате царил затхлый, с легкой отдушкой давнего сигаретного смога.

Один лишь вес и размер компьютерного монитора директрисы говорил о его моральном устаревании, как и факт, что он испустил дух десятилетия назад, успев обрасти толстым слоем пыли. Его равнодушно отодвинули в сторонку, и два менее выгоревших следа на устилающем стол календарном листе указывали как его первоначальное положение, так и положение ноутбука, очевидно, его сменившего, – хотя отыскать этот ноутбук никто не мог. Контроль мысленно отметил, что надо поинтересоваться, искали ли у нее дома.

Календарь относился к концу девяностых. Не в том ли году директриса начала терять нить? Ему вдруг привиделась она в Зоне Икс в составе двенадцатой экспедиции, просто бредущей сквозь пустошь без реальной цели, – высокая, дебелая пятидесятипятилетняя женщина, которая вполне сошла бы за сорокапятилетнюю. Молчаливая, запутавшаяся, раздираемая противоречиями. Настолько поглощенная собственной ответственностью, что позволила себе уверовать, будто должна сама присоединиться к людям, которых посылает в поле. Почему никто ее не остановил? Неужто никому не было до нее никакого дела? Или она привела убедительные доводы? Голос не сказал. А ее возмутительно неполное личное дело не поведало ровным счетом ничего.

Все, что он видел, свидетельствовало, что ей было не наплевать и в то же время наплевать на функционирование агентства.

Что-то упирается в колено слева под столом – системный блок к монитору. Интересно, не прекратил ли и он работать еще в девяностых. У Контроля сложилось впечатление, что ему не захочется заглядывать в комнаты, где работает техобслуга, смотреть на жалкие чахнущие трупы компьютеров прошлых десятилетий, хаотичный нечаянный музей пластика, проводов и печатных плат. А может, рыба и правда гниет с головы, и разложилась только директриса.

Так что, не располагая компьютером, пока его собственный ноутбук не сочли достаточно защищенным, Контроль занимался необременительным почитыванием стенограмм вводных бесед с членами двенадцатой экспедиции. Проводила их бывшая директриса в своем качестве психолога.

Остальные рекруты, по мнению Контроля, были просто буйными, неудержимыми

гейзерами – взахлеб журчащие, щебечущие, сыплющие штампами болтушки, сравнительно не способные держать язык за зубами… 4623 слова… 7154 слова… и чемпион всех времен – лингвистка, которая пошла на попятный в последний момент, выдавшая ответов на 12 743 слова, включая героически нескончаемые детские воспоминания, «увлекательные, как почечный камень, продирающийся через елду», как кто-то нацарапал на полях. Что оставляет особняком только биолога и ее считаные 753 слова. Такого рода самоконтроль заставил его смотреть не только на слова, но и на паузы между ними. Например: «Я наслаждалась всеми своими местами работы». Но при том с большинства этих мест ее вытурили. Она думала, что не сказала ничего, но каждым словом – даже «завтрак» – открывала просвет. С завтраком у биолога в детстве не заладилось.

Призрак прямо здесь, в стенограммах, сквозит по тексту с момента ее возвращения. Вещи, проглядывающие в пробелах, отбивая у Контроля желание произнести ее слова вслух из страха, что он не совсем понял подспудные чувства и скрытые аллюзии. Обособленное описание чертополоха… Упоминание о маяке. Предложение или два, описывающие характер света на болотах Зоны Икс. Ничто из этого не должно было задеть его за живое, однако же Контроль ощущал ее где-то тут, заглядывающей ему через плечо, в то время как беседы с другими членами экспедиции подобных чувств не вызвали.

Биолог утверждала, что помнит не больше остальных.

Контроль признал это за ложь – или то, что станет ложью, если удастся вытянуть ее на разговор. Хочет ли он разговорить ее? Осторожничает ли она из-за чего-то, случившегося в Зоне Икс, или просто по складу характера? И тут над столом директора промелькнула тень. Он уже бывал здесь – или где-то около, уже принимал решения подобного рода, и это едва не пришило его – во всяком случае, прошило его насквозь. Но выбора у него не было.

Около 700 слов по ее возвращении. В точности как у двух других. Но, в отличие от них, это примерно сопоставимо с ее лаконичностью перед отправлением. И в наличии странные особенности, отсутствующие у других. В то время как антрополог могла бы сказать: «Местность была пустынна и первозданна», биолог сказала: «Повсюду был ярко-розовый чертополох, даже когда пресная вода сменилась соленой… Свет на заре был низким пламенем, блистанием».

Это в сочетании с диковинностью заброшенной стоянки привело Контроля к мнению, что биолог на самом деле может помнить больше других. Что она может осознавать происходящее лучше других, но почему-то это скрывает. Сам он именно с такой ситуацией еще не сталкивался, но помнил, как коллега допрашивал террориста, получившего ранение в голову, и проводил дознание в больнице, все мешкая и мешкая в надежде, что память к тому вернется. Память вернулась. Но только о фактах, а не о праведных порывах, побудивших его к действию, и тогда он растерялся, став легкой добычей для дознавателей.

С заместительницей директора он этой гипотезой не поделился, потому что если окажется не прав, она воспользуется этим, чтобы подкрепить свое негативное мнение о нем, да вдобавок чтобы оставить ее в подвешенном состоянии как можно дольше. «Никогда ничего не делай по одной-единственной причине», – не раз говаривал ему дедушка, и по меньшей мере это Контроль принял близко к сердцу.

Пока их не сбрили, волосы у биолога были длинные, темно-каштановые. Темные густые брови, зеленые глаза, тонкий, чуть искривленный нос (сломанный при падении на камни) и широкие скулы, выдающие азиатскую наследственность по линии матери. Обветренные,

потрескавшиеся губы, удивительно полные для столь сурово насупленных бровей. Ее глаза показались Контролю подозрительными, он даже специально проверил, не были ли они до экспедиции другого цвета.

Даже сидя она ухитрялась источать ощущение физической силы, с мощными мышцами, гребнем выступающими вдоль линии плеча к шее. Пока что все анализы на рак дали отрицательный результат, в отличие от предыдущей экспедиции. Контроль не помнил, что об этом сказано в ее личном деле, но полагал, что она ростом почти с него. Ее держали в южном крыле здания уже две недели, где ей было нечем заняться, кроме еды и упражнений.

Прежде чем отправиться в экспедицию, биолог прошла интенсивный курс выживания и обращения с оружием в заведении Центра, предназначенном для этой цели. Ее знакомили с теми полуправдами, которые руководство Южного предела считало полезными, опираясь на критерии, пока представляющиеся Контролю заумными, а то и вовсе туманными. Ее подвергали психологической обработке, чтобы сделать более восприимчивой к гипнотическому воздействию. Психолог-директриса могла навязать ей сколько угодно гипнотических сигналов – слов, в определенных комбинациях запускающих заданный эффект. Когда дверь уже закрывалась за Контролем, в голове вдруг промелькнуло: а не имела ли директриса отношения к помрачению ее воспоминаний, уже находясь с ней в Зоне Икс?

Контроль сидел за столом напротив биолога, осознавая, что Грейс как минимум наблюдает за ними сквозь одностороннее зеркало. Эксперты уже допросили биолога, но Контроль тоже был своего рода экспертом, и ему был необходим прямой контакт. Есть в фактуре допроса лицом к лицу нечто эдакое, чего лишены стенограммы и видеозаписи.

Пол под ногами был грязным, чуть ли не липким. Люминесцентные светильники над головой мигали через нерегулярные интервалы, а столы и стулья будто притащили из школьного кафетерия. Контроль обонял резкий металлический запах низкокачественного чистящего средства, нечто вроде забродившего меда. Уверенности в Южном пределе эта комната не вселяла. Будь она задумана как помещение для отчетов после возвращения с заданий – или хотя бы напоминающая таковое, – ей бы следовало быть покомфортнее, чем комната, раз и навсегда предназначенная для допросов, предполагающих возможное сопротивление.

Теперь, сидя напротив Контроля, биолог производила впечатление, из-за которого он не горел желанием смотреть ей в глаза. Впрочем, ему всегда было не по себе перед допросами, всегда казалось, будто тот яркий сполох в небе застыл в движении и сошел на землю, чтобы встать у него за спиной матерью во плоти и наблюдать за ним. Истина, стоящая за этим, такова: мать действительно время от времени проверяла его. Могла наложить руку на записи, так что это вовсе не паранойя и не праздное ощущение. Это часть его возможной реальности.

Порой даже полезно сыграть на собственной нервозности, позволяющей визави расслабиться. Так что он покашлял, неуверенно отхлебнул воды из принесенного с собой стакана, повертел в руках папку, которую положил на стол между ней и собой, а заодно и пульт от телевизора, находящегося у него за спиной. Чтобы законсервировать условия, при которых ее обнаружили, и вообще позаботиться, чтобы она не приобрела искусственных воспоминаний, заместительница директора приказала не давать биологу никаких сведений из ее личного дела. Контроль счел такую меру жестокой, но согласился с Грейс. Ему хотелось, чтобы папка между ними выглядела потенциальной наградой во время какой-нибудь из более поздних встреч, хотя еще и сам не знал, даст ли ее этой женщине.

Представившись своим настоящим именем, Контроль уведомил ее, что их «беседа» записывается, и попросил назвать свое имя для протокола.

– Зовите меня Кукушкой, – откликнулась она. Не промелькнул ли в ее бесстрастном голосе непокорный вызов?

Контроль поднял глаза на нее – и, тотчас испытав замешательство, снова отвел их. Она что, оказывает на него какое-то гипнотическое воздействие? Эту мысль, пришедшую в голову первым делом, он быстро отмел.

– Кукушкой?

– Или вообще никак.

Он кивнул, понимая, когда надо спустить на тормозах: исследование термина до поры обождет. Ему смутно помнилось нечто эдакое из личного дела. Быть может.

– Кукушка, – произнес он, будто дегустируя. Слово оставило на языке привкус мела и неестественности. – Вы не помните об экспедиции ничего?

– Я же говорила другим. Это были первозданные пустоши, – в ее голосе вроде бы промелькнула нотка иронии, хотя наверняка не скажешь.

– Насколько вы хорошо знали лингвистку во время обучения? – осведомился он.

– Не очень. Слишком велеречива. Не закрывала рта. Она… – голос биолога оборвался, и Контроль сдержал ликование. Этого вопроса она не ожидала. Вовсе.

– Так что же она? – подсказал он. Предыдущий дознаватель прибегал к стандартной методике: наладить контакт, представить факты, развивать взаимоотношения дальше. С практически нулевым результатом.

– Не помню.

– А я думаю, помните. – И если ты это помнишь, то…

– Нет.

Он демонстративно открыл папку и сверился с имеющимися стенограммами, нарочито выставляя на обозрение краешки сколотых скрепками страниц, содержащих важнейшие сведения о ней.

– Ну, тогда ладно. Поведайте мне о чертополохе.

– О чертополохе? – Ее выразительные брови недвусмысленно поведали, что она думает об этом вопросе.

– Да. По поводу чертополоха вы высказывались весьма досконально. Почему? – Его до сих пор ставило в тупик обилие деталей о чертополохе в беседе на прошлой неделе, когда она прибыла в Южный предел, снова наводя его на мысль о гипнотических сигналах, заставляя думать о словах, служащих этакой защитной чащобой.

– Не знаю, – пожала плечами биолог.

– «Чертополох там имеет цвет лаванды и растет в промежутке между лесом и болотом, – зачитал он из стенограммы. – От него никуда не денешься. Он привлекает множество насекомых, и окружающие его жужжание и яркость наполняют Зону Икс ощущением деловитости, почти как человеческий город». Там продолжается и дальше, но я не стану.

Она снова пожала плечами.

Контроль не собирался на первый раз зависать, вместо того скользя над местностью, чтобы картографировать просторы территории, которую хочет охватить вместе с ней. И потому двинулся дальше.

– Что вы помните о своем муже?

– А какое это имеет отношение?

– Отношение к чему? – внезапный выпад.

В ответ ни звука, так что Контроль подтолкнул ее снова:

– Что вы помните о своем муже?

– Что он у меня был. Какие-то воспоминания перед переходом, как о лингвисте.

Умный шаг – увязать это, чтобы все выглядело единым и неделимым. Расплывчатость вместо четкости.

– А вы знали, что он вернулся, как и вы? – осведомился он. – Что он был дезориентирован, как и вы?

– Я не дезориентирована, – огрызнулась она, подавшись вперед, и Контроль отпрянул. Он вовсе не испугался, но на миг подумал, что должен бы. Компьютерные томограммы мозга в норме. Были приняты все меры проверки на все, хоть отдаленно напоминающее инвазивные виды. Или «посторонних», как выразилась Грейс, по сей день не в силах произнести слово, хоть отдаленно напоминающее «внеземной». Если здоровье Кукушки как-то и переменилось по сравнению с имевшимся до отправки, то лишь в лучшую сторону: токсины, присутствующие в организмах большинства современных людей, обнаружились у нее и остальных в концентрациях значительно ниже нормы.

– Я вовсе не хотел вас обидеть, – сказал Контроль, прекрасно понимая, что она все-таки *действительно* дезориентирована. Что бы она там ни помнила или не помнила, биолог, которую он узнал по предэкспедиционным стенограммам, не стала бы выказывать раздражения настолько быстро. И чего он до нее докопался?

Контроль взял пульт дистанционного управления, лежавший рядом с папкой, и дважды нажал на кнопки. Плоскопанельный телевизор на стене слева от них с шипением ожил, показывая пикселизованное, размытое изображение биолога, стоящей на заброшеной стоянке почти так же неподвижно, как бордюр или кирпичная стена перед ней. Все изображение было окрашено в тошнотворно-зеленый цвет ночной камеры наблюдения.

– Почему пустая стоянка? Почему мы нашли вас там?

Индифферентный взор и ни слова в ответ. Контроль позволил видео крутиться дальше. Нескончаемые фоновые повторы порой доводят допрашиваемого. Но обычно видеоматериал показывает, как подозреваемый ставит сумку или сует что-то в урну.

– Первый день в Зоне Икс, – сказал Контроль. – Пеший переход до базового лагеря. И что происходило?

– Ничего особенного.

Детей у Контроля не было, но ему представлялось, что на более-менее такой же ответ сподобится подросток, отвечая на вопрос, что сегодня было в школе. Пожалуй, стоит на минуточку завернуть обратно.

– Но чертополох вы помните очень и очень хорошо, – заметил он.

– Не пойму, почему вы привязались к этому чертополоху.

– Потому что сказанное вами предполагает, что вы помните некоторые из своих наблюдений в экспедиции.

Воцарилась пауза, и Контроль понял, что биолог уставилась на него. Ему хотелось дать ответный залп, но что-то предостерегло его против этого. Что-то заставило его почувствовать, будто сон о падении в хляби мог настичь его.

– Почему меня держат здесь в плену? – спросила она, и Контроль почувствовал, что снова может без опаски смотреть на нее, словно момент опасности пришел и ушел.

– Вы вовсе не в плену. Это входит в процедуру разбора.

– Я не могу выйти.

– Пока нет, – признал он. – Но сможете.

Разве что в другое заведение: пройдет года два или три, если все пойдет хорошо, прежде чем хоть кому-нибудь из вернувшихся позволят выйти в большой мир. Юридически они оказались в серой зоне, зачастую без веских на то оснований именуясь угрозой национальной безопасности.

– Я нахожу это маловероятным, – заявила она.

Контроль решил попытать удачу снова.

– Если не чертополох, то что же имеет отношение? – осведомился он. – О чем я должен вас спрашивать?

– Разве не в этом ваша работа?

– Какая моя работа? – хоть он и прекрасно понял, что она имела в виду.

– Вы ведь возглавляете Южный предел.

– Вам известно, что такое Южный предел?

– Да-а-а, – гортанно, чуть ли не с шипением.

– А как насчет второго дня в базовом лагере? Когда начались странности? – А начались ли? Придется полагать, что начались.

– Не помню.

Контроль наклонился вперед:

– Я могу погрузить вас в гипноз. У меня есть такое право. Я могу это сделать.

– На мне гипноз не работает, – бросила она, не скрывая отвращения перед его угрозой.

– Откуда вам известно? – Момент дезориентации. Она что, выдала что-то такое, чего выдавать не хотела, или вспомнила нечто, до сих пор для нее утраченное? Уловила ли она разницу?

– Просто знаю.

– Для полной ясности: мы могли бы заново обработать вас и погрузить в гипноз. – Сплошной блеф, да притом это повлекло бы осложнения по части логистики. Чтобы сделать это, Контролю пришлось бы отослать ее в Центр, и она исчезла бы в этой утробе навечно. Контроль смог бы просматривать отчеты, но больше никогда не получил бы к ней прямого доступа. Не говоря уж о том, что не так-то ему и *хотелось* заново обрабатывать ее сознание.

– Только попробуйте, и я…

Она ухитрилась прикусить язык на грани того, что звучало как начало слова «убью».

Контроль решил пропустить это мимо ушей. Он побывал под обстрелом такой уймы угроз, что знал, когда их стоит воспринимать всерьез.

– Что сделало вас невосприимчивой к гипнозу? – спросил он.

– А *вы* невосприимчивы к гипнозу? – с вызовом.

– Почему вы находились на пустой стоянке? Остальные двое искали тех, кого любят.

Ни слова в ответ.

Может, уже довольно сказано на сегодня. Может, уже довольно.

Выключив телевизор, Контроль подхватил папку, кивнул собеседнице и направился к двери.

Уже на пороге открытой двери, впустившей будто больше теней, чем следовало бы, он, прекрасно сознавая, что заместительница директора пристально смотрит на него из коридора, обернулся к биологу.

И спросил, как всегда и планировал, постскриптумом к вступительному акту:
– А что последнее вы помните о том, что делали в Зоне Икс?
Ответ неожиданно хлестнул по нему, будто проблеск света, столкнувшегося с тьмой:
– Тонула. Я тонула.

002: Притирка

«Просто закрой глаза – и вспомнишь меня», – сказал отец Контроля два года назад в месте, не так уж удаленном от нынешнего, умирающий, старающийся утешить живущих. Но стоило закрыть глаза, и все исчезало, кроме сна о падении и наслоений шрамов от прошлых назначений. Почему биолог сказала это? Почему она сказала, что тонула? Это его тряхнуло, но заодно дало ему странное ощущение, будто у них есть общий секрет. Словно забралась ему в голову и подглядела его сон, и теперь они оба связаны. Он отторгал это ощущение, не желая иметь ничего общего с людьми, которых должен допрашивать. Он должен парить в горних высях. Должен выбирать, когда спикировать вниз, а не позволять чужой воле стащить себя на землю.

Открыв глаза, Контроль обнаружил себя стоящим в глубине подковообразного здания, служащего штаб-квартирой Южного предела. Изгиб выпирает вперед, с дорогой и автостоянкой перед ним. Здание, построенное в стиле, устаревшем уже на десятки лет, из слоями нагроможденных друг на друга бетонных блоков, являет собой то ли памятник архитектуры, то ли кучу мусора – Контроль еще не решил, что именно. Крыша слегка накренилась над всеми этими гребнями, расселинами и полнейшим недоразумением, отчего представляется не более практичной, чем арт-перформанс или абстрактная скульптура ошеломительно грандиозных масштабов. Усугубляя ситуацию, пространство, стиснутое несомкнутыми концами подковы, превратили во внутренний дворик с видом на озеро, окруженное дремучей чащобой. По краям озеро обуглилось, будто пожарище, и хилые, подагрически скрюченные кипарисы разбрелись по колено в темной мерзопакостной воде. Свет, расползающийся по озеру, отдает какой-то клаустрофобической серятиной, отбивающей и отличающей его от синевы небес над ним.

Все это тоже некогда было новым – наверное, еще в меловом периоде, а здание, вероятно, присутствовало в некоем виде уже тогда, внедренное обратным инжинирингом настолько глубоко в прошлое, что, глядя из его окон, по сей день можно узреть стрекоз величиной со стервятников.

Сжимающая их в объятьях подкова особой уверенности не внушала, воспринимаясь скорее как символ незавершенности, нежели удачи. Незавершенные мысли. Незавершенные выводы. Незавершенные отчеты. Двери в торцах этой подковы, через которые многие проходили, чтобы срезать дорогу в противоположное крыло, подтверждали нехватку воображения. И тем не менее бездонное болото творило именно то, что болотам и полагается, – по-своему столь же совершенное, сколь несовершенен Южный предел.

Все было настолько недвижно, что, когда через этот пейзаж пролетел дятел, его вторжение шандарахнуло, как F-16, пробивший сверхзвуковой барьер.

Слева от подковы и от озера едва заметная с места, где он остановился, затаилась дорога, петляющая между деревьями к невидимой границе, за которой раскинулась Зона Икс. Всего тридцать пять миль мощеной дороги, а потом еще пятнадцать проселка с десятью контрольно-пропускными пунктами в общей сложности и приказами стрелять на поражение, если тебе там не место, с оградами, колючей проволокой и окопами, ямами и трясинами, а может статься, и с выдрессированными правительством колониями высших хищников и генетически модифицированными ядовитыми ягодами, и молотками, чтобы гвоздить себя по башке… но с самой минуты инструктажа Контроль почему-то гадал: а к

чему это все? Потому что именно так и поступают в подобных ситуациях? Чтобы не подпускать людей? Он изучил отчеты. Если подберешься к границе «несанкционированным образом» и пересечешь ее где-либо, кроме двери, больше тебя никто не увидит. Сколько человек именно так и сделали, не попавшись на глаза? Откуда Южному пределу об этом знать? Раз-другой пытливым журналистам удалось подобраться достаточно близко, чтобы сфотографировать пограничные сооружения Южного предела, но даже это лишь подтвердило в умах общественности официальную байку об экологической катастрофе, на устранение последствий которой уйдет не меньше века.

Дальше следовала дорожка вокруг каменных столиков в бетонном дворе, выстеленном мелкой белой плиткой в комплекте с квадратами комковатой земли, в которую через нерегулярные интервалы понатыкали невзрачных тюльпанов… ему была знакома эта дорожка вкупе с ее как-то по-особенному шаркающим звучком. Заместительница директора раньше была полевым офицером. Что-то произошло на задании, и она повредила ногу. В здании ей удавалось это как-то скрывать, но только не на предательской бетонной плитке. Это знание пришлось Контролю некстати, вызвав желание посочувствовать ей. «Всякий раз, когда ты говоришь «в поле», мне представляется, как вся ваша шпионская братия шастает среди пшеницы», – сказал однажды его отец матери.

Грейс составила Контролю компанию по его просьбе, чтобы помочь ему поглазеть на болото в ходе беседы о Зоне Икс. Потому что он думал, что смена обстановки – удаление за пределы бетонного гроба – могла бы помочь смягчить ее враждебность. Но это было прежде, чем он осознал, насколько адский и доисторический здесь пейзаж, а теперь еще и доистерический. Взгляни на эту москитную оргию и обогрей меня, Грейс.

– Вы допросили только биолога. Я по-прежнему не понимаю, почему, – она сказала это, прежде чем Контроль успел протянуть хоть тоненькое щупальце вступительного гамбита… и вся его решимость разыгрывать из себя дипломата, как-нибудь стать ее коллегой, а не врагом – пусть даже ценой введения в заблуждение или метафорического удара по почкам – расплылась в волглом воздухе, как кисель.

Он изложил ход своего мыслительного процесса. На нее это вроде бы произвело впечатление, хотя толком понимать выражение ее лица он еще не научился.

– А никогда – во время обучения – не казалось, будто она что-то скрывает? – поинтересовался он.

– Уво́дите в сторону. Вы считаете, что она что-то скрывает.

– Вообще-то еще толком не знаю. Я могу и ошибаться.

– У нас есть более искусные дознаватели, чем вы.

– Наверно, действительно.

– Мы должны отправить ее в Центр.

От этой мысли его покоробило.

– Нет, – отрезал он – чуточку чересчур категорично, в следующую долю секунды встревожившись, что заместительнице директора может прийти в голову, будто участь биолога ему небезразлична.

– Я уже отослала антрополога и топографа.

Теперь Контроль почуял запах разложения всей растительной массы, медленно гниющей под поверхностью болота, ощутил неуклюжих черепах и квелых рыбешек, протискивающихся сквозь слежавшиеся наслоения. И не рискнул повернуть к ней лицо. Не рискнул обмолвиться ни словом, застыв в изумлении. Каким же влиянием на Центр обладает Грейс?

Она же радостно продолжала:

– Вы же сказали, что от них никакого проку, вот я и отослала их в Центр.

– Чьей властью?

– Вашей. Вы недвусмысленно указали мне, что хотите этого. Если вы имели в виду нечто иное, приношу свои извинения.

Внутри Контроля произошел сейсмический сдвиг, незаметное глазу сотрясение.

Их больше нет. Вернуть их обратно не в его силах. Надо выбросить это из головы. Скормить себе враки, будто Грейс сделала ему любезность, упростив ему работу.

– Я всегда могу почитать стенограммы их допросов, если передумаю, – произнес он, стараясь взять благодушный тон. Их все равно еще надо допрашивать, а он дал Грейс лазейку, заявив, что не хочет с ними беседовать.

Она пристально вглядывалась в его лицо, высматривая хоть какой-нибудь знак, что попала почти в яблочко.

Он попытался улыбнуться, погасив свой гнев мыслью, что если бы заместительница директора хотела причинить ему серьезный вред, то уж изыскала бы способ умыкнуть заодно и биолога. Это же только предостережение. Впрочем, теперь он вознамерился отобрать что-нибудь и у Грейс. Не затем, чтобы поквитаться, а чтобы она не испытывала искушения отнять у него еще что-нибудь. Он не может позволить себе лишиться еще и биолога. Во всяком случае пока.

В воцарившемся неловком молчании Грейс спросила:

– А почему это вы просто стоите здесь, на жаре, как идиот? – беззаботно, как ни в чем не бывало. – Нужно зайти внутрь. Уже время обедать, и вы могли бы познакомиться кое с кем из администрации.

Контроль уже начал привыкать к ее непочтительному отношению, и это пришлось ему очень не по нутру, хотелось изыскать возможность как-то изменить тенденцию. Он двинулся за Грейс, но присутствие болота за спиной осталось весомым, давящим. Своего рода еще один враг. Он насмотрелся на подобные пейзажи, обретаясь рядом с таким же в юности, а потом снова, когда медленно умирал отец. И надеялся не видеть болот больше никогда.

«Просто закрой глаза – и вспомнишь меня».

Я так и делаю, папа. Я помню тебя, но ты угасаешь. Слишком уж много помех, и все *это* становится слишком уж реальным.

* * *

Отцовская ветвь семьи Контроля вышла из Центральной Америки, ведя происхождение от испанцев и индейцев из Гондураса. Руками и черными волосами он пошел в отца, тонким носом и ростом – в мать, а кожа его цветом являла нечто среднее. Дед Контроля с этой стороны умер, когда Контроль еще был слишком мал, чтобы с ним познакомиться, но выслушал немало эпических историй о нем. В детстве тот продавал прищепки, обходя окрестности от двери к двери, лет в двадцать стал боксером – не настолько хорошим, чтобы претендовать на титул, но достаточно хорошим, чтобы давать противнику сдачи и держать удар. Потом стал строителем, затем инструктором по дайвингу, прежде чем скончаться до срока от сердечного приступа в шестьдесят пять лет. Его жена, трудившаяся в пекарне, пережила его всего на год. Его сын – отец Контроля, – выросший в семье, состоявшей по

большей части из плотников и механиков, стал художником, употребив унаследованные дарования на создание абстрактных скульптур. Эти абстракции отец очеловечивал, раскрашивая их яркой палитрой, излюбленной индейцами-майя, и налепляя на них осколки керамической плитки и стекла – заодно перебрасывая мостик между профессиональным искусством и дилетантством. Такова была его жизнь, и Контроль не помнил времени, когда его отец был бы не таким человеком, а каким-то другим.

Счастливая история о том, как отец и мать Контроля полюбили друг друга, заодно выступает счастливой историей восхождения отца на время в роль фаворита самых шикарных художественных галерей. Они познакомилась на приеме в его честь и, по их словам, оба с первого же взгляда были очарованы друг другом, хотя позже Контролю было трудновато в это поверить. Чтобы быть с ней, отец перебрался на север, и у них появился Контроль, а затем, всего год или два спустя, ее перекомандировали с кабинетной работы на полевую, и это стало началом конца всему. Эта история, поддерживавшая Контроля в детстве, вскоре явила себя как мимолетный момент на фоне сплошного несчастья. Случай отнюдь не уникальный – этакое угнетающе знакомое полотно, на которое непременно натыкаешься в антикварном магазинчике в городе у моря.

Молчание, размеченное ссорами, молчание, порожденное не только секретами, которые она держала при себе, но не могла разгласить, но еще и – осознал Контроль уже взрослым – ее внутренней сдержанностью, преодолеть которую со временем стало невозможно. Ее отлучки терзали его, и ко времени, когда Контролю исполнилось десять, это стало подтекстом, а порой и канвой их диспутов – она убивает его искусство, и это нечестно. Хотя художественная сцена не стояла на месте, а творения отца обходились недешево и для поддержания нуждались в меценатах или грантах.

И все же отец сидел там со своими схемами, с планами новой работы, разложенными вокруг него, будто улики, когда она возвращалась между полевыми командировками. Она выдвигала контробвинения, помнил Контроль, со спокойным и хладнокровным, отчужденным состраданием. Она была неудержимой силой, врывавшейся – не было, и вдруг – с гостинцами, купленными в последнюю минуту в отдаленном аэропорту и невинными вымышленными историями о том, где побывала и что делала, или менее невинными историями, смысл которых дошел до Контроля лишь годы спустя, когда он сам столкнулся с аналогичной дилеммой, докатившимися до них с изрядным запаздыванием. Теперь кое-чем рассекреченным она могла бы и поделиться, но это случилось с ней давным-давно. Эти истории, как и ее отчужденность, распаляли отца, знал Контроль, но сострадание его бесило. Поди разбери: искренен ли сполох света в небе?

Когда они развелись, Контроль отправился на юг жить с папой, который укоренился в общине – где чувствовал себя уютно, потому что в нее входил кое-кто из его родни, – подпитывая свои художественные амбиции, пока его банковский счет умирал голодной смертью. Контроль припоминал, как был потрясен осознанием, сколько шума, суматохи и цвета может быть в доме, когда они туда переехали.

И все же в эти жаркие лета в том южном городишке, не так уж далеко от Южного предела, Контроль – тринадцатилетка со ржавым великом и парой-тройкой верных друзей – продолжал думать о матери, пребывающей в поле, в каком-то отдаленном городе или стране – каким-то далеким сполохом в небе, иногда сходящим с ночных небес и материализующимся на их пороге в человеческом обличье. В точности так же, как тогда, когда они были одной семьей.

В один прекрасный день, верил он, она возьмет его с собой, и он станет сполохом света, владея секретами, которые не узнает больше никто и никогда.

* * *

Некоторые слухи о Зоне Икс были весьма замысловаты, в своем хитроумии представляясь Контролю этаким косяком смертоноснейших и все же многочисленных медуз в аквариуме. Когда смотришь на них, они в своем пульсирующем продвижении на фоне насыщенно-синей воды представляются одновременно и реальными, и нереальными. *Место вторжения. Секретные правительственные эксперименты*. Как может такой организм существовать на самом деле? Простые перепевы официальной версии – вариации на тему зоны рукотворной экологической катастрофы – по контрасту в эти дни настолько заурядны, что почти не задевают сознания и не возбуждают любопытства. Одомашненные версии, кушающие у тебя с ладони.

Но истина притом была проста: лет тридцать назад в отдаленной местности, известной как Забытый берег, произошло Явление, начавшее трансформировать ландшафт и одновременно вызвавшее нисхождение невидимой границы или стены. Некий призрачный туман, или, как было сказано в документах, «преодолимое предграничное явление», – невесомый, заметный лишь благодаря легкому мерцанию – распространялся из неведомого эпицентра и останавливался у непреодолимой границы. Через точку исхода, обнаруженную в этой границе, правительство отправило элитные армейские подразделения, пропавшие до единого человека, а их снаряжение, когда его удавалось отыскать, было *испорчено* самым диковинным образом. Большая его часть разлагалась с невиданной скоростью.

С той поры учредили Южный предел в стремлении выяснить, что же случилось, – без особого успеха, ценой человеческих жертв в экспедициях. И все же эти жертвы были сущим пустяком по сравнению с возможностью какого-нибудь прорыва из анклава вдоль границы, который ученые до сих пор исследуют в попытке постичь. А дразнящее, непоследовательное и алогичное возвращение некоторых экспедиций практически без урона казалось Контролю чуть ли не более угрожающим.

– Это началось раньше, еще до опускания этой границы, – поведала ему заместительница директора после ленча в его новом-старом кабинете. Теперь она стала воплощением деловитости, и Контроль предпочел принять это за чистую монету, продолжая покамест приберегать на будущее свой гнев по поводу ее упреждающего удара с выдворением антрополога и топографа.

Карта Зоны Икс, развернутая Грейс на углу его стола: береговая черта, маяк, базовый лагерь, тропы, озера и реки, остров во многих милях к северу, отмечающий самые дальние пределы… Внедрения? Вторжения? Заражения? Какое слово тут уместно? Наихудшая часть карты – черная точка, от руки надписанная директрисой «тоннель», но большинству известная как «топографическая аномалия». А наихудшая, потому что встретили ее члены не каждой выжившей экспедиции, даже занимаясь картографированием именно этого района.

Грейс швырнула папки поверх карты. Контроля до сих пор поражало – с эдакой ностальгией, даруемой его поколению нечасто, – насколько анахронично работать с бумагами. Но предыдущую директрису снедала тревога по поводу переправки современной техники через границу. Она запрещала определенные виды связи, требовала, чтобы все

электронные письма распечатывали, а оригинальные цифровые версии регулярно архивировали и удаляли, и ввела загадочные и замысловатые протоколы пользования Интернетом и прочими видами электронной связи. Положит ли он этому конец? Контроль пока не решил, испытывая своеобразную симпатию к этой политике, как бы непрактична она ни была. Сам он пользуется Интернетом исключительно для изысканий и административных дел. Он недолюбливал сотовые телефоны, не говоря уж о смартфонах, считая, что в современную эпоху в умы сограждан закралась некая разобщенность.

«Это началось раньше».

– Насколько раньше?

– Источники указывают, что могла наблюдаться странная… активность… вдоль этого побережья по меньшей мере в течение века до опускания границы. – Прежде чем сформировалась Зона Икс. Первозданные пустоши. До сегодняшнего дня Контроль еще ни разу не слыхал, чтобы слово «первозданный» употреблялось столько раз подряд.

Он праздно задумался, а как называют это *они* – те или то, что сотворило этот первозданный пузырь, угробивший столько народа. Может, курортом. Может, плацдармом. Может, «они» настолько непостижимы, что ему никогда не понять, как они это называют и почему. Он спросил Голос, понадобится ли ему доступ к материалам по другим крупным необъяснимым инцидентам, и Голос выдал «Нет», прозвучавшее, как гранитный утес, за которым виднелась лишь пустая синева.

Контроль уже ознакомился хотя бы с частью дряни и хлама, теперь угрожавших проломить стол, в реферативном досье по заголовкам. Он знал эту толику информации, поглядывающей на него из бежевых папок, взятую из вахтенных журналов маяка и полицейских рапортов, – и что необъяснимое в ней надо поддевать с краев, помаленьку выдавливая на свет, как последнюю каплю зубной пасты из опустошенного тюбика, скрючившегося на краю раковины умывальника. «Странные дела» вроде тех, о которых толкуют бородатые трудяги-рыбаки в старых фильмах ужасов, устремив затравленные взоры на беспощадное море. Неразгаданные исчезновения. Огни в ночи. Рассказы о кораблях-призраках, ложных маяках и сотни легенд, илом наслаивающихся вокруг уединенного побережья и отдаленного маяка.

Существовала даже неформальная группа – «Бригада познания и прозрения», – занимавшаяся приложением «эмпирической реальности к паранормальному феномену», написавшая несколько самостоятельно изданных книжонок, собирающих пыль на полках местных магазинчиков. Именно «Бригада ПиП» фактически окрестила Зону Икс, идентифицировав это побережье как «исключительно активное» и назвав его «Активным районом Икс» – название, рельефно выпирающее на их причудливой карте таро, вдохновленной наукой. Южный предел чуть ли не сразу списал БПП со счетов: «не катализатор, не игрок и не подстрекатель» того, что породило Зону Икс. Просто кучка (не)везучих дилетантов, наткнувшихся на то, что, по иронии судьбы, намного превосходит их воображение. Если досье не лгут.

«Мы живем во Вселенной, управляемой случаем, – сказал отец как-то раз, – но трепачам подавай лишь причинность». Под трепачами в данном контексте подразумевалась мать, но утверждение применимо куда шире.

Так что же, все это в целом или частично случайное совпадение – или часть некоего обширного заговора, предшествовавшего Зоне Икс? Можно потратить годы, продираясь сквозь все это, пытаясь найти ответ, – и похоже, что именно этим бывшая директриса и

занималась.

– И вы считаете эти доказательства достоверными? – Контроль по-прежнему не представлял, насколько глубоко в холме трепа увязла заместительница директора. Слишком уж глубоко, учитывая ее природную враждебность, и вытаскивать ее оттуда он склонности не питал.

– Не все, – признала она, тонкой улыбкой стирая неизменно насупленный вид. – Но проследив события вспять от известных нам с момента опускания границы, начинаешь видеть систему.

Контроль поверил ей. Поверил бы, скажи она, что в жаркие летние дни в завитках ее мороженого проступают видения. В трещинках льда в ее любимом коктейле – ром с диет-колой и лаймом. Уж такова природа аналитика. Но какие системы оккупировали рассудок бывшей директрисы? И какая доля этого просочилась в заместительницу директора? В какой-то степени Контроль уповал, что бедлам директриса оставила за собой намеренно, чтобы скрыть некие более рациональные подвижки.

– Но чем он отличается от любой другой богом забытой полоски берега невесть где? – Таких по стране еще десятки. Мест, выступающих сущей анафемой для агентов по недвижимости, мест, почти лишенных инфраструктуры и испокон веку не доверяющих правительству.

Заместительница воззрилась на него – так, что ему стало не по себе, будто школьнику, отправленному к завучу за наглую выходку.

– Я знаю, что вы себе думаете, – заявила она. – Не введены ли мы в заблуждение собственными данными? Ответ: конечно. Так непременно происходит со временем. Но если в этих досье есть что-то полезное, вы сможете это разглядеть, потому что у вас свежий взгляд. Так что я могу сейчас же отправить все это в архив, если хотите. Или мы можем использовать вас так, как нам надо, – не потому, что вам что-то известно, а потому, что вам известно настолько мало.

В душе Контроля всколыхнулось подобие уязвленной гордыни, хоть он и понимал, что это скорей во вред и проистекает из того, что его родительнице как раз *известно*, казалось бы, все.

– Я вовсе не имел в виду, что я…

Она милосердно оборвала его. Но тон ее источал немилосердное презрение:

– Мы здесь уже давно… Контроль. Очень давно. Смиритесь с этим. Тут уж почти ничего не поделаешь, – в ее словах прозвучала на диво сильная боль. – Вам не доводилось уходить домой, неся это в груди, в мозге костей. Через пару недель, когда вы навидаетесь всего, вам тоже придется сжиться с этим надолго. Вы станете совсем как мы – только более того, потому что все усугубляется. Все меньше и меньше дневников удается отыскать, все больше зомби, словно им прочистили мозги. А ни у кого из руководства нет на нас времени.

Был самый подходящий момент пособолезновать по поводу прочих вершимых Центром препон и несправедливостей, осознал Контроль задним числом, но тогда он просто сидел, уставившись на нее. Счел ее фатализм помехой, особенно пропитанный, как он ошибочно определил поначалу, столь угрюмым удовлетворением. Клаустрофобическая комбинация, не нужная никому, не помогающая никому. Да еще и непредсказуемая в своих эволюциях.

Одна лишь первая экспедиция, согласно досье, испытала такие ужасы – едва ли не превосходящие всяческое воображение, – что просто удивительно, как после этого отправили вообще еще хоть кого-то. Но у них не было выбора, они понимали, что «повязаны»

с этим надолго, как любила говорить бывшая директриса, как он узнал из стенограмм. Они даже не извещали последующие экспедиции об истинной участи первой, состряпав фикцию о встрече с безмятежной нетронутой природой, а после громоздили поверх этой лжи новые. Это, вероятно, не только поддерживало дух последующих экспедиций, но и облегчало боль от травмы самого Южного предела.

– Через тридцать минут у вас назначена встреча для турне по научному отделу, – сообщила Грейс, вставая и нависая над ним, опершись руками о стол. – Пожалуй, позволю вам отыскать его самостоятельно.

Это даст Контролю как раз достаточно времени, чтобы перед этим обшарить кабинет на предмет средств наблюдения.

– Спасибо, – сказал он. – Можете идти.

Так что она удалилась.

Но это не помогло. Перед прибытием Контроль воображал, как свободно парит над Южным пределом, спархивая с некой отдаленной вершины, чтобы уладить дела. Этому случиться не суждено. Он уже опалил крылья и чувствует себя некой громоздкой стенающей тварью, увязшей в трясине.

* * *

По мере углубления знакомства кабинет бывшей директрисы не являл наметанному глазу Контроля никаких новых или особых черт. Не считая того, что компьютер Контроля, наконец утвердившийся на письменном столе, выглядел рядом со всем остальным чуть ли не научной фантастикой.

Дверь была расположена в левом конце длинной прямоугольной комнаты, так что приходилось преодолеть всю ее протяженность, чтобы достичь стола красного дерева, приткнувшегося у дальней стены. Никто не мог подкрасться к директрисе незаметно или прочесть что-нибудь у нее через плечо. Все стены были скрыты книжными и картотечными шкафами, причем местами стопки бумаг и книг образовывали второй ряд перед первоначальными нагромождениями. На самых верхних ярусах – или, в самых нелепых случаях, опирающиеся на эти стопки – пробковые доски для объявлений с пришпиленными обрывками бумаги и кое-как нацарапанными графиками и схемами. Возле стола слева Контроль обнаружил коллекцию сушеных эфемеров. По полкам раскиданы пыльные и распадающиеся обломки сосновых шишек. Смутный намек на запах тления, но источник отыскать не удалось.

Напротив входа – еще одна дверь, вклинившаяся в просвет между книжными шкафами, но заваленная новыми грудами папок и картонных коробок. Вдобавок ему сказали, что прямо за ней стена – культурный слой топорной перепланировки. Напротив стола на стене, удаленной футов на двадцать, нечто вроде прогалины в захламлении, чтобы дать место двум рядам изображений в рамках, дешево купленных на распродажах. Слева-снизу по часовой стрелке направо: квадратная гравюра маяка времен 1880-х; черно-белая фотография двух мужчин и девочки в обрамлении двери маяка; длинная, несколько дилетантская акварельная панорама, изображающая многие мили тростника, перемежающиеся лишь несколькими островками темных деревьев; и цветная фотография луча маяка во всем его великолепии. Ни намека на что-либо личное, ни единого фото директрисы вместе с матерью – коренной

американкой, ее белым отцом или с кем бы то ни было из тех, кто играл в ее жизни хоть какую-то роль.

Из всех собранных сведений, которые Контролю предстояло перерыть в ближайшие дни, он менее всего жаждал тех, которые может откопать в этом кабинете, теперь ставшем его собственным. Он подумывал даже, что мог бы отложить их напоследок. Все в этом кабинете будто говорило об одичавшей директрисе. Ощущение такое, словно тебя поместили в чей-то чужой расстроенный рассудок. Один из ящиков стола был заперт, а ключ найти Контроль не мог. Но заметил этакую землистость запертого ящика, намекающую, что внутри нечто сгнило уже давным-давно. Каковая загадка даже не затрагивает бедлам, стекающий со стола по краям.

Неизменно угодливо-неугодливый дедушка-шпион раздумчиво говаривал, моя посуду или готовясь к вылазке на рыбалку: «Никогда не проскакивай ни шага. Проскочишь один шаг – и обнаружишь пять новых, подстерегающих тебя впереди».

Поиск средств наблюдения – жучков – потребовал больше времени, чем Контроль думал, и он звякнул в научный отдел, чтобы сообщить, что задержится. В ответ прозвучало этакое утробное бурчание, прежде чем дали отбой, а он даже не догадывался, кто был на том конце. Человек? Дрессированная свинья?

В конце концов, после адских поисков Контроль, к собственному изумлению, нашел в своем кабинете двадцать два жучка. Он сомневался, что многие из них действительно передают информацию, да если даже и передают, еще не факт, что кто-то смотрит или слушает, что они транслируют. Зато факт, что кабинет директрисы собрал целый музей неестественной истории жучков – разных типов из разных эпох, все более миниатюрных, все труднее поддающихся обнаружению. По сравнению с изящными эфирными булавочными головками современной эпохи левиафаны этого племени почти тридцатилетней давности представлялись раздутыми, страдающими отрыжкой металлическими бубонами.

Обнаружение каждого нового жучка вызывало прилив радостно-приподнятого настроения. Жучки наделены неким смыслом в той же мере, в какой лишено его все остальное, связанное с Южным пределом. В ходе своей выучки в качестве всеядного специалиста спецслужб он по меньшей мере шесть раз был на заданиях, связанных с прослушкой людей или мест. Соглядатайство не доставляло ему такого нездорового наслаждения, как некоторым; а если и доставляло, то это чувство блекло, как только он узнавал своих объектов получше и проникался заботливостью, призванной оградить их. Но сама аппаратура его просто пленяла.

Наконец, сочтя поиски завершенными, Контроль чуток развлекся, разложив жучки на промокашке в хронологическом, по своему мнению, порядке. Некоторые серебристо поблескивали. Некоторые – черные – поглощали свет. К некоторым были припаяны проводки, будто пуповинки. Одна итерация – замаскированная внутри чего-то наподобие крохотного шарика липкого зеленого папье-маше или крашеного воска – навела его на мысль, что несколько штук могли быть даже иностранного производства: контрабанда, привлеченная любопытством к черному ящику под названием Зона Икс.

Впрочем, очевидно, что бывшей директрисе было наплевать на их присутствие. А может, даже ведая о них, она считала, что безопаснее их оставить. Опять же, может статься, некоторые она расставила тут сама. Интересно, не связано ли с этим ее недоверие к современным технологиям.

Что же до расстановки своих, с этим придется обождать: сейчас нет времени. Нет

времени и воспользоваться этими жучками для другой цели, только что пришедшей ему в голову. Контроль аккуратно смахнул все жучки в один ящик стола и отправился искать своего научного гида.

Лаборатории погребли в подвале с левой стороны подковы, если смотреть на здание с автостоянки перед фасадом. Они расположены прямо напротив запертого крыла, служившего экспедициям предподготовительной зоной, а сейчас ставшего резиденцией биолога. В качестве гида к Контролю прикомандировали одного из спецов от-скуки-на-все-руки из научного отдела. Откуда следовало, что, несмотря на старшинство, – он проработал на агентство дольше, чем кто-либо еще из штатных работников, – Уитби Аллен представлял собой тянитолкая, отчасти из-за трений среди сотрудников, частенько прерывавшего свои исследования в качестве «интердисциплинарного натуралиста и холистического ученого, специализирующегося на биосферах», чтобы напечатать чьи-то чужие отчеты или выполнить чьи-то чужие поручения. Последним актом самопожертвования Уитби стала организация экскурсии для Контроля. Уитби отчитывается перед начальником научного отдела, но заодно и перед заместительницей директора. Он отпрыск интеллектуальной аристократии, потомок долгой череды профессоров, мужчин и женщин, преподававших в различных частных колледжах с псевдокоринфскими колоннами. Вероятно, для своего семейства он стал изгоем – недоучившийся студент школы искусств, пустившийся бродяжничать и лишь впоследствии заработавший пристойную степень.

Уитби щеголял в синем блейзере с белой рубашкой и на диво скромном галстуке-бабочке цвета бордо. Выглядел он намного моложе своих лет, с не знающей времени каштановой шевелюрой и миниатюрным заостренным личиком того рода, из-за которого человека в возрасте за пятьдесят можно издали принять за моложавого тридцатидвухлетку. Его морщины выглядели крохотными волосяными трещинками. Контроль видел его за ленчем в кафетерии рядом с веером из дюжины долларовых купюр, выложенных на стол без видимой причины. Он что, пересчитывал их? Делал художественную инсталляцию? Конструировал монетарную биосферу?

Смех у Уитби оказался неприятный, а над дыханием и зубами ему явно стоит потрудиться. Вблизи Уитби еще и выглядел так, будто не спал много лет, – юноша, покрывшийся морщинами до срока, лицо обезвожено напрочь, настолько, что водянистые голубые глаза кажутся чересчур крупными для его головы. Помимо этого и пренебрежения ворами, Уитби производил впечатление человека достаточно компетентного, и хотя, несомненно, обладал умением поддерживать непринужденную беседу, склонности к таковой не питал. И это стало поводом ничуть не хуже других, чтобы Контроль, пролагая путь через кафетерий, принялся его расспрашивать.

– Были ли вы знакомы с членами двенадцатой экспедиции, прежде чем они отправились?

– Я бы не сказал «знаком», – Уитби вопрос явно пришелся против шерсти.

– Но вы таки виделись с ними.

– Да.

– А с биологом?

– Да, я ее видел.

Они наконец покинули пределы кафетерия с его высокими потолками, ступив в атриум, залитый люминесцентным светом. Издали из какого-то кабинета просачивалось

взвизгивающее чириканье поп-музыки.

– И что вы о ней думаете? Какое у вас впечатление?

Уитби натужно сосредоточился, лицо его от усилия посуровело, заострившись еще более.

– Она была отстраненной. Серьезной, сэр. Трудилась больше всех остальных. Но вроде бы вовсе и не вкалывала, понимаете, что я имею в виду?

– Нет, я не понимаю, что вы имеете в виду, Уитби.

– Ну, ей как бы и не было дела. Работа не играла роли. Она как бы смотрела сквозь нее. Видела нечто иное.

У Контроля возникло ощущение, что Уитби подверг биолога весьма тщательному изучению.

– А бывшая директриса? Вы видели, как она взаимодействует с биологом?

– Раза два, может, три.

– Они ладили между собой? – Контроль не знал, почему задал этот вопрос, но рыбалка есть рыбалка. Порой для начала приходится просто забрасывать удочку где попало.

– Нет, сэр. Но, сэр, ни та ни другая ни с кем особо не ладили, – последние слова он произнес шепотом, словно боялся чужих ушей. А затем, словно для прикрытия, поведал: – Кроме директрисы, видеть эту биологичку в двенадцатой экспедиции не хотел никто.

– Никто? – лукаво переспросил Контроль.

– Никто.

– Даже заместительница директора?

Уитби взглянул на него чуть ли не с ужасом. Но довольно было и его молчания.

Директриса внедрилась в Южный предел уже давно. Она отбрасывала длинную тень. И, даже уйдя, сохранила своеобразное влияние. Наверное, на Уитби это влияние не совсем распространяется, но Контроль ощутил его тем не менее. Он уже поймал себя на чудно́й мысли, что директриса смотрит на него сквозь очи своей заместительницы.

Как оказалось, лифты не работают и не будут починены, пока через пару дней не наведается специалист с армейской базы, так что они отправились по лестнице. Чтобы попасть на лестницу, надо проследовать вдоль дуги подковы к боковой двери, открывающейся в параллельный коридор футов пятьдесят длиной, пол которого украшен все тем же протоптанным зеленым ковролином, обесценивающим все здание. Лестница ждала в конце коридора за широкими двустворчатыми дверями, распахивающимися в обе стороны и более уместными на бойне или в приемном покое «Скорой помощи». Уитби, совершенно не в своем амплуа, ворвался в эти двери так, будто они рок-звезды, выскакивающие на сцену, – а может, чтобы шугануть тех, кто мог залечь по ту сторону, – а потом встал, робко придерживая одну створку, пока Контроль занимался осмыслением этого первого шага.

– Это сюда, – проговорил Уитби.

– Я знаю, – откликнулся Контроль.

За дверями они вдруг будто оказались в свободном падении – зеленый ковролин оборвался, сменившись бетонной эстакадой, нисходящей к короткой лестничной площадке с широкой пологой лестницей в конце, затем нырнувшей в сумрак, прорезаемый лишь тусклыми белыми галогенками в стенах и пунктиром мигающих красных лампочек аварийного освещения. И все это под высоченным потолком, обрамляющим то, что во мраке казалось скорее рукотворной пещерой или ангаром, чем спуском в подвал. Перила в робком

свете ламп сверкали лучезарными проплешинами ржавчины. Прохлада воздуха при спуске напомнила Контролю экскурсию в старших классах в музей естественной истории с системой искусственных пещер, призванных изображать современность, гвоздем коллекции которой были – вообще ни к селу ни к городу – воспроизведенные в движении доисторические гигантский ленивец и гигантский броненосец – мегафауна, свернувшая не в тот закоулок.

– Сколько человек в научном отделе? – спросил он, когда акклиматизировался.

– Двадцать пять, – сообщил Уитби.

Правильный ответ – девятнадцать.

– А сколько было пять лет назад?

– Примерно столько же, может, на пару-тройку человек больше.

Правильный ответ – тридцать пять.

– А велика ли текучка?

– У нас есть незыблемые адепты, которые никуда отсюда не уйдут, – развел руками Уитби. – Но приходит и уйма новичков с новыми идеями, но вообще-то они толком ничего не меняют.

Судя по его тону, они либо вскоре увольнялись, либо доходили до… а, собственно, до чего?

Контроль позволил молчанию затянуться, так что тишину нарушали лишь их шаги. Как он и думал, молчание для Уитби оказалось невыносимым. И через какое-то время тот не выдержал:

– Извините, извините. Я вовсе ничего такого не хотел этим сказать. Просто порой выводит из себя, когда новые люди приходят и хотят все поменять, не зная… нашей ситуации. Вот как бы если б они сперва почитали руководство… то бишь если бы у нас было руководство.

Контроль поразмыслил над этим, издав невнятный звук. У него сложилось впечатление, будто он встрял посреди спора Уитби с остальными. Не был ли Уитби и сам в какой-то момент новым голосом? Не является ли *он сам* этаким новым Уитби в отношении всего Южного предела, а не только научного отдела?

Уитби выглядел бледнее, чем прежде, чуть ли не больным. Уставившись куда-то на среднее расстояние, он апатично шлепал подошвами по ступеням. С каждым шагом явственно чувствовал себя все более неуютно. И перестал говорить «сэр».

Контроля охватила то ли жалость, то ли симпатия – он и сам не мог понять, что именно. Пожалуй, смена темы поможет Уитби.

– А когда вы в последний раз получили новый образчик из Зоны Икс?

– Около пяти или шести лет назад.

Этот ответ Уитби произнес более уверенно, чуть ли не более твердо, и был прав. Прошло уже шесть лет с тех пор, когда в Южный предел попало нечто новое из Зоны Икс. Не считая радикально переменившихся членов экспедиции, предшествовавшей двенадцатой. Врачи и ученые дотошно исследовали их самих и их одежду, но нашли лишь… ничего. Вообще ничего необычного. Лишь одну аномалию – рак.

В подвал не попадало ни лучика света, кроме того, которым научный отдел обеспечивал себя сам: у него имеется собственный генератор, система фильтров и запасы продовольствия. Несомненно, пережиток некоего стародавнего императива, сводящегося к «в чрезвычайной ситуации спасайте ученых». Контролю оказалось трудно представить эти первые дни, когда

правительство за закрытыми дверями пребывало в состоянии паники, и люди, работавшие в Южном пределе, считали, будто нечто, явившееся в мир вдоль Забытого берега, может вскоре обратить взор в глубь страны. Но нашествия так и не случилось, и Контролю пришло в голову, что с этих-то несбывшихся ожиданий и мог начаться упадок Южного предела.

– Вам нравится тут работать, Уитби?

– Нравится? Да. Должен признаться, это зачастую увлекательная и определенно трудная, но тем интересная задача, – Уитби уже взмок, на лбу выступили бисеринки пота.

Может, оно и вправду увлекательно, но Уитби, согласно его личному делу, пережил затяжной хронический спазм требований о переводе – по одному каждый месяц, потом каждые два месяца, будто прерывистый сигнал SOS, пока не ушел в небытие, как ровная линия ЭКГ. Контролю пришлась по душе инициативность, хоть и сдобренная ощущением отчаяния, вложенная в такое число попыток. Уитби не хотел увязнуть в застойном болоте столь же явно, сколь Грейс или кто-то еще не желал его отпускать.

Быть может, тут дело в его гибкости игрока-универсала, потому что Контролю вполне очевидно, что научный отдел, как и все прочие подразделения Южного предела, «разбирают на запчасти», как выразилась бы мать, антитеррор и нацбезопасность. Согласно картотеке персонала, в заведении когда-то было сто пятнадцать ученых, представляющих почти тридцать дисциплин, и несколько подотделов. Теперь же во всей злополучной конторе осталось лишь шестьдесят пять человек. Поговаривают даже, слышал Контроль, о передислокации, вот разве что здание слишком близко к границе, чтобы служить для чего-либо еще.

И тут же на него снова повеяло тем же дешевым гнилостным запахом, словно уборщику открыт неограниченный доступ по всему зданию.

– Не сильноват ли этот запах уборки?

– Запах? – Уитби резко повернул голову. Глаза его от кругов под ними казались громадными.

– Запах скисшего меда.

– Я ничего не чую.

Контроль нахмурился – скорее из-за пыла, вложенного Уитби в эти слова, чем из-за чего-либо еще. Что ж, конечно. Они уже привыкли. Хоть это и ничтожнейшая из задач, но Контроль мысленно сделал пометку, что надо распорядиться о замене моющего состава на что-нибудь органическое.

Когда они, обогнув угол, резкий сверх необходимого, ступили в просторное преддверие научного отдела с потолком, выглядящим высоким, как никогда, Контроль изумился: путь им преградила высокая металлическая стена с маленькой дверцей и хитроумной системой безопасности, мигающей красным огоньком.

Вот только дверь была открыта.

– Уитби, а эта дверь всегда открыта? – спросил он.

Казалось, Уитби считает, что пускаться в догадки может быть опасно, и поколебался, прежде чем сказать:

– По-моему, да. Здесь был задний конец сооружения, дверь врезали лишь год-другой назад.

Что заставило Контроля задуматься, для чего же это пространство служило тогда. Для танцев? Для свадеб и бар-мицва? Импровизированных судов военного трибунала?

Входя, пригнуться пришлось обоим, чтобы тут же наткнуться на два воздушных шлюза

под стать космическому кораблю – несомненно, для предотвращения заражения. Массивные двери шлюзов были распахнуты, и внутри сиял интенсивный белый свет, по неведомой причине не желавший хоть лучиком пробиться за незащищенную защитную дверь.

Вдоль стен на уровне плеч в обоих помещениях тянулись ряды дряблых длинных черных перчаток, висевших с таким видом, который Контроль иначе как удрученным назвать не мог. Складывалось ощущение, что руки и предплечья не наделяли их жизнью уже давненько. Словно своего рода музей, усыпальница любознательности и должной предусмотрительности.

– А это еще для чего, Уитби? Отпугивать гостей?

– А-а, мы ими не пользовались лет двести. Не знаю, зачем их тут оставили.

Дальше было немногим лучше.

003: Обработка информации

Позже, вернувшись в свой кабинет, покинув Уитби в его вселенной, Контроль сделал еще заход на жучков. Потом приготовился позвонить Голосу, требовавшему докладывать через регулярные промежутки времени. Для этой цели ему выдали отдельный мобильник – наверное, чтобы сумка раздулась еще больше. Дюжину раз, когда Контроль говорил с Голосом в Центре еще до выезда в Южный предел, он(а) мог(ла) находиться где-то поблизости. Мог(ла) наблюдать за ним через скрытые камеры все это время. Или находиться за тысячи миль – дистанционный оперативник, служащий лишь для управления одним-единственным агентом.

Контроль не мог припомнить о тех разах ничего особенного, кроме голой информации, но от разговоров с Голосом ему становилось не по себе. Набирая номер, после того как выглянул в коридор – нет ли там кого, – и запирая дверь, он взмок как мышь. Ни мать, ни Голос не говорили, чего именно ожидают от каждого рапорта. Мать сообщила, что Голос может отстранить его от должности без согласования с ней. Вряд ли это правда, но Контроль решил пока что принять это на веру.

Голос, как всегда, был хриплым и искаженным фильтром. Маскировка сугубо из соображений безопасности или потому, что Контроль может опознать его? «Вероятно, ты никогда не узнаешь принадлежность Голоса, – сказала мать. – Выбрось этот вопрос из головы. Сосредоточься на том, что находится непосредственно перед тобой. Делай то, что умеешь лучше всего».

Но что именно? И каким образом отразится в Голосе мнение, что он хорошо справляется? Контроль уже начал представлять Голос в образе мегалодона или еще какого-то левиафана, сидящего в мозговом тресте, в аквариуме, заполненном соленой водой, в подвале некой сверхсекретной спецслужбы, столь сверхсекретной и столь специальной, что никто не упомнит ее назначения, хоть все и продолжают разыгрывать ее ритуалы. Вообще-то это мозговой стресс. Или мозговой секс. Хотя Голос или мать вряд ли удостоят это хоть смешком.

Голос пользовался настоящим именем Контроля, чем поначалу его озадачил, словно он вжился в роль Контроля настолько глубоко, что другое имя теперь принадлежит кому-то другому. Он никак не мог удержаться, чтобы не стучать указательным пальцем левой руки по промокашке на столе.

– Докладывайте, – распорядился Голос.

– Каким образом? – незамедлительно и глупо отреагировал Контроль.

– Лучше бы словами, – прохрустел Голос, будто гравий под сапогами.

Контроль пустился в резюме своего опыта на данный момент, взявшего свое начало всего лишь как резюме с полученного им резюме по положению дел в Южном пределе.

Но где-то посередине начал терять темп – докладывал он уже о жучках в кабинете или нет? – и Голос перебил его:

– Расскажите об ученых. Расскажите о научном отделе. Вы с ними сегодня встречались. Каково состояние дел там?

Любопытно. Означает ли это, что у Голоса есть еще пара глаз внутри Южного предела?

Так что он рассказал Голосу о посещении научного отдела, однако мнение свое изложил в дипломатичных выражениях. Отчитывайся Контроль перед матерью, он бы сказал, что

ученые в полном раздрае даже для ученых. Начальник отдела Майк Чейни был коренастым белым толстяком лет пятидесяти с хвостиком, в мотоциклетной куртке, футболке и джинсах, с коротко стриженными седыми волосами и зычным, жизнерадостным голосом. Его акцент, принесенный с севера, порой расслабленно растекался подхваченными у южан тягучими интонациями. Складки в углах рта будто сговорились с низвергающимися бровями превратить его лицо в «икс», с каковым роком он неустанно сражался, все время улыбаясь.

Его заместительница Синтия Дэвидсон, заодно еще и физик, – тощая, как стайер, но на самом деле пустившая весь свой избыточный вес в табачный дым. Она со скрипом передвигалась в красной плиссированной блузке с короткими рукавами и обтягивающих коричневых вельветовых брюках с широченным кожаным ремнем. Большую часть всего этого прикрывал поношенный черный деловой жакет, возраст которого выдавали огромные накладные плечи. Рука ее, протянутая для пожатия, отделаться от которого Контроль по первому разу не мог, напоминала холодную дохлую рыбу.

Впрочем, на Дэвидсон способность Контроля усваивать новые имена и исчерпалась. Он рассеянно кивнул химику-исследователю, равно как штатным эпидемиологу, психологу и антропологу, тоже втиснувшимся в крохотный конференц-зал для знакомства. Поначалу Контролю эта клетушка показалась знаком неуважения, но на полпути он понял, что обознался. Нет, они просто вели себя как кошка перед хищником: просто пытались казаться ему больше, чем на самом деле, в данном случае, преуменьшая окружающее пространство.

Никому из дополнительно приглашенных сказать толком было нечего, хотя у него и сложилось впечатление, что один на один они могли бы и разоткровенничаться. В остальном бал правили Чейни и Дэвидсон, плюс парочка комментариев от антрополога. Судя по манере их речи, будь ученые степени медалями, все они понавешивали бы их на некие квазивоенные мундиры ученых – скажем, лабораторные халаты, которых не было ни на одном из присутствующих. Но Контроль уловил посыл, понял, что это лишь часть продолжающегося повествования – то, что было обширной вотчиной научного отдела, отнимают у него пядь за пядью.

Очевидно, Грейс им сказала – или приказала? – разыграть для Контроля обычный спектакль, что он воспринял как увертку или, в лучшем случае, пустую трату времени. Впрочем, им этот перепев вроде бы ничуть не досаждал. Наоборот, они будто бы упивались, как не в меру ретивые фокусники в поисках аудитории. Контроль обратил внимание, что Уитби смущен, судя по тому, как он забился в дальний угол, стараясь казаться маленьким и незаметным.

«Апогеем творчества», как шутливо выразился бы отец, оказался видеоролик с белыми кроликами, исчезающими на невидимой границе: должно быть, его показывали снова и снова несметное число раз, судя по сопроводительным комментариям.

Событие это разыгралось в середине 1990-х, и Контроль наткнулся на него среди данных по поводу невидимой границы между Зоной Икс и миром. Будто в сердцах из-за отсутствия прогресса ученые выпустили две тысячи белых кроликов футах в пятидесяти от границы на расчищенном участке, погнав их прямо на границу. Вдобавок к ценным наблюдениям перехода кроликов отсюда туда научный отдел питал смутные чаяния, что одновременный, или почти одновременный, прорыв границы таким множеством «живых тел» может «перегрузить» «механизм» границы, вызвав в нем короткое замыкание, пусть даже локальное, в одном лишь этом районе. То есть если предположить, что границу *можно* перегрузить, как электросеть.

Переход кроликов они документировали с помощью стандартной видеоаппаратуры, а также микрокамер, закрепленных на головах у некоторых кроликов. Смонтированный материал для максимального драматического эффекта местами свели вместе на полиэкране вкупе с ускоренными и замедленными съемками, что в результате создавало впечатление некоторой расхлябанности при совместном рассмотрении. Словно видеомонтажер хотел придать событию легковесность, каким-то образом – с помощью потаенной непочтительности – изыскать способ пропустить его мимо глаз. В общем и целом, как известно Контролю, видеотека и цифровая библиотека содержат свыше сотни тысяч видеофрагментов исчезающих кроликов. Скачущих. Копошащихся друг на друге, громоздясь шаткими живыми пирамидами в стремлении избежать столкновения с границей.

Главный видеоряд, показываемый хоть с нормальной скоростью, хоть замедленно, создавал впечатление сухого и отрывочного материала. Кролики метались из стороны в сторону перед людьми в мешковатых костюмах химзащиты, загонявшими животных полукругом. Вид у людей был загадочный, будто у некоего анонимного спецназа в белом по борьбе с уличными беспорядками, держащего длинные белые щиты, смыкающиеся в виде стены, ограждающей и сдерживающей кроликов. Люминесцентно-красная линия на земле обозначала пятнадцатифутовую переходную зону между миром и Зоной Икс.

Некоторые кролики улизнули из-за края полукруга или в своей безумной скачке нашли траектории, перебросившие их через стену оцепления, толкавшего их вперед. Но большинство удрать не смогли. Большинство ринулись вперед и – либо на бегу, либо посреди прыжка – исчезли, едва коснувшись границы. Ни всплеска, ни взрыва, разлетающегося брызгами крови и ошметков органов. Они просто исчезали. Крупные планы в рапиде показывали микросекунду перехода, в течение которой половина или четверть кролика еще красовалась на экране, но только застывший кадр мог фактически зафиксировать момент между *там* и не там. Один стоп-кадр явил взгляду ляжки дюжин четырех толкущихся кроликов, по большей части застывших в прыжке, лишенные голов и торсов.

Видео, которое показывали ему ученые, было лишено звука, не считая закадрового голоса, но из документов Контроль знал, что когда первых нескольких кроликов прогнали сквозь границу, остальные подняли жуткое верещание. Этакий заупокойный плач на фоне массовой паники. Если бы видео продолжалось, Контроль увидел бы, как последние кролики взбунтовались против загонщиков настолько, что обратились против них, пустив в ход зубы и когти… увидел бы белые щиты, замаранные алым, исследователей, от изумления не удержавших строй, отчего добрых две сотни кроликов скрылись в неизвестном направлении.

Микрокамеры оказались, пожалуй, еще менее информативными. Будто брошенные монтажные срезки напряженной батальной сцены из боевика, они просто показывали зады и подбрюшья отчаянно скачущих кроликов и какие-то мечущиеся пейзажи, прежде чем все темнело. Никакой видеотрансляции от кроликов, пересекших границу, хотя удравшие навели тень на плетень: болота по обе стороны от нее выглядят очень похоже. Впоследствии Южный предел потратил порядком времени, выслеживая этих беглецов, чтобы поставить крест на вероятности, что хоть какая-то часть полученных данных дошла из-за границы.

Да и следующая экспедиция в Зону Икс, отправленная через неделю после эксперимента с кроликами, не нашла ни следа белых кроликов – ни живых, ни мертвых. Как и ни один аналогичный эксперимент – в куда меньших масштабах – не принес вообще никаких результатов. Не прозевал Контроль и въедливую реплику какого-то эколога в одной из папок, посвященных этому событию, гласившую: «Какого хрена? Это же инвазивный вид.

Они бы *заразили* Зону Икс». Ой ли? Допустила ли бы подобное сущность, сотворившая Зону Икс? Контроль старался отстранить от себя нелепый образ Зоны Икс, спустя годы высылающей обратно кролика ростом с человека, ничегошеньки не помнящего, кроме своей должности. Большинство факиров все равно уже подхихикивали не к месту, будто показывали ему, как проделали свой самый лавроносный фокус. Но нервные смешки он слышал и раньше. Потому что некоторых, не сомневался Контроль, это видео, даже столь отдаленное, продолжает тревожить.

Некоторых из ответственных за это лиц уволили, а остальных перевели. Но теперь, более пятнадцати лет спустя, здесь сидят их близнецы, благородные останки научного отдела, показывающие ему с нарочитым энтузиазмом то, что всего десятилетие назад считалось полнейшим провалом. Очевидно, флер времени превращает фарс в икону. У них было и еще что показать – данные и образцы из Зоны Икс под стеклом, – но все это ровным счетом ничего не добавляло к уже написанному в досье, и эту информацию он может почерпнуть позже, когда заблагорассудится.

В каком-то смысле Контроль был отнюдь не против просмотра этого видео. Оно стало своеобразной передышкой, учитывая, что еще поджидало его в этом отделе. Видоматериалы из первой экспедиции, члены которой погибли, не считая одного выжившего, ему еще предстояло изучить неделей позже, как главные материальные свидетельства. Но еще ему не понравилось эхо своеобразного студенческого задора в отношении презентации, подспудный вой вроде: «Поглядите-ка на это дерьмо, которое мы послали на границу! Поглядите-ка, какой трюк мы откололи!». Передайте-ка дешевого пивка. Тяпните глоточек всякий раз, как увидите белого кролика.

Когда он уходил, все они выстроились в неровную шеренгу, словно для групповой фотографии, и один за другим трясли ему руку. Лишь когда они с Уитби снова оказались на лестнице, миновав чудовищные черные перчатки, Контроль сообразил, что в этом всем было необычным. Все они стояли буквально навытяжку, с чрезвычайно серьезными лицами. Должно быть, думали, что он явился еще больше урезать их отдел. Что он явился судить их. А еще позже, выгребая толику жучков из ящика письменного стола с намерением совершить дурной поступок, прежде чем звонить Голосу, задумался, не боялись ли они вместо того чего-то совершенно иного.

Изрядную часть этого Контроль поведал Голосу с нарастающим ощущением тщетности происходящего. Очень немногое из сказанного наделено было особым смыслом или являло собой новость – он просто мусолил слова, чтобы хоть что-то сказать. Он не сообщил Голосу, что некоторые из ученых употребляли в отношении Зоны Икс выражение «экологическое благо» с тревожным и деморализующим подтекстом: «А надо ли с этим бороться?» Как ни крути, это «первозданные пустоши».

– ЧЕРТ! – рявкнул Голос под конец его научного отчета, прервав собственное нескончаемое фоновое бубнение… и Контроль на секундочку отвел мобильник подальше от уха, не зная толком, чем это спровоцировано, пока не услышал: – Извините. Чашка кофе опрокинулась, прямо на меня. Продолжайте.

Кофе несколько подпортило образ мегалодона в голове Контроля, и он на миг потерял нить повествования.

Когда он с этим покончил, Голос прямо-таки ринулся вперед, словно начиная по новой:

– Каков ваш психологический настрой на данный момент? Дома у вас все в порядке? Как, по-вашему, чего это потребует?

На какой же вопрос отвечать?

– Оптимистический? Ну, пока они не получат дополнительных директив, структуры и ресурсов, не знаю.

– Каково ваше впечатление о предыдущем директоре?

Барахольщица. Чудачка. Загадка.

– Ситуация здесь сложная, а я тут только первый полный де…

– КАКОВО ВАШЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ О ПРЕДЫДУЩЕМ ДИРЕКТОРЕ?! – с подвыванием, будто щебенка, вздымаемая грозовым ливнем.

Контроль ощутил, как учащается пульс. У него бывали начальники, не слишком владеющие собой, и факт, что один из них находится по ту сторону мобильника, ситуации отнюдь не улучшил.

И тут формирующееся мнение прорвало.

– Она утратила всякое восприятие перспективы. Потеряла нить. Под конец методы ее были эксцентричны, и потребуется время, чтобы распутать…

– ХВАТИТ!

– Но я…

– Не надо поносить погибшую, – на сей раз перешептывание гальки. Ощущение скорби пробилось даже сквозь фильтр, а может, Контроль просто домыслил это.

– Есть. Сэр.

– В следующий раз, – заявил Голос, – я рассчитываю услышать от вас нечто более интересное. Нечто такое, что мне неизвестно. Спросите заместителя директора о биологе. Например.

– Есть, сэр, – отчеканил Контроль и: – Ах да, говоря о заместителе директора…

Он обрисовал утренние перипетии с отсылкой антрополога и топографа и проблему, что у Грейс вроде бы есть контакты в Центре, которые могут причинить вред.

– Разберусь, – отозвался Голос. – Улажу, – а потом пустился в рацею, из-за своей тягомотности казавшуюся записанной заранее: – И помните, я всегда за вами слежу. Так что хорошенько *подумайте,* чего именно я могу не знать.

Отбой.

Одна из вещей, сказанных ему учеными, оказалась полезной и неожиданной, но Голосу Контроль ее не открыл, потому что она вроде бы подпадала под категорию Всем Известных Тайн.

В попытке отвлечься от провалившегося эксперимента с белыми кроликами Контроль спросил их о нынешних гипотезах на предмет границы, пусть даже самых нелепых.

Чейни, кашлянув раз-другой, огляделся и наконец заговорил:

– Хотелось бы мне говорить об этом более однозначно, но, знаете ли, мы много об этом спорим, потому что так много неизвестных… но… ну, лично я не верю, что граница непременно исходит из того же источника, который преобразует Зону Икс.

– Как?

– Распространенная реакция, – поморщился Чейни, – и я вас не виню. Но я имею в виду… нет свидетельств того, что… сущность… в Зоне Икс порождает также и границу.

– Это я понял, но…

Тут вступила Дэвидсон:

– Мы не в состоянии исследовать границу тем же способом, что и образцы, изъятые из

Зоны Икс. Но зато смогли снять показания, и – чтобы не грузить вас данными – граница достаточно отличается по строению, чтобы поддержать эту гипотезу. Представляется довольно очевидным, что произошло некое Явление, породившее Зону Икс, а затем произошло второе Явление, породившее невидимую границу, но это…

– Они не связаны? – недоверчиво перебил Контроль.

Чейни покачал головой:

– Ну, только в том, что это Явление-два почти наверняка является реакцией на Явление-один. Но, может быть, границу создал некто (Контроль снова отметил нежелание сказать «пришельцы» или «*нечто*») другой.

– А это означает возможность, – подхватил Контроль, – что эта вторая сущность пыталась изолировать последствия Явления-один?

– Именно, – подтвердил Чейни.

Контроль снова подавил сильнейший порыв просто встать и уйти.

– И, – сказал он, углубляясь в тему, – как насчет прохода в Зону Икс через границу? Как вы его сделали?

Чейни нахмурился, бросил на коллег беспомощный взгляд, и, когда никто из них не лег грудью на амбразуру, насупился и поджал губы еще больше.

– Мы его не делали. Мы его нашли. Однажды он просто… появился.

И тут Контроля охватил гнев. Отчасти из-за того, что первоначальная информация заместительницы директора была чересчур расплывчатой, а может, он сам чересчур пустился в домыслы. Но главным образом потому, что Южный предел слал экспедицию за экспедицией – через дверь, которую создал не он, – бог весть куда в надежде, что все обойдется, что все вернутся, что те белые кролики не распылились на атомы, а, может, в жутких муках вернулись к первозданному состоянию.

– Сущность-один или Сущность-два? – спросил он у Чейни, жалея, что никак нельзя привлечь к этому разговору биолога, уже прикидывая в уме новые вопросы для нее.

– Что?

– Какой творец Событий открыл дверь в границе, как вы думаете?

– Ну, – развел Чейни руками, – боюсь, тут уж не скажешь. Потому что мы не знаем, каково ее главное предназначение – впускать что-то внутрь или выпускать изнутри.

А может, и то и другое.

Заместительницу директора Контроль настиг, прокладывая путь по бесчисленным коридорам, еще не вполне увязавшимся у него в голове между собой. Пытался отыскать отдел кадров, чтобы сбыть документы, но в голове целостная карта здания еще не сложилась, да вдобавок он оставался чуток не в себе после телефонного разговора с Голосом.

Обрывки разговоров, мельком подслушанные в коридорах, ясности отнюдь не вносили, апеллируя к вещам, пребывающим пока вне смыслового поля Контроля. «Как, по-твоему, насколько вглубь она уходит?» «Консолидация власти». «Хочешь верь, хочешь не верь». Грейс тоже не очень-то помогла. Едва он пристроился рядом, как Грейс начала его теснить – наверное, чтобы подчеркнуть, что силой и ростом ничуть ему не уступает. От нее так пахло каким-то настолько синтетическим ароматом лаванды, что Контроль едва не чихнул.

Парировав вопрос о посещении ученых, Контроль развернулся и попер на нее, не дав шанса отвертеться.

– Почему вы не хотели участия биолога в двенадцатой экспедиции?

Грейс остановилась, выдерживая дистанцию:

– Кто вам сказал?

Хорошо – она готова вступить в пикировку.

– Что у вас тогда было на уме? Почему вы не хотели участия биолога в той экспедиции?

Сотрудники обходили их справа и слева.

– У нее не было надлежащей квалификации, – приглушенным голосом сообщила Грейс. – Ее вытурили с полудюжины должностей. Да, у нее есть прирожденный талант, этакая искра, но она неквалифицированна. И участие ее мужа в предыдущей экспедиции тоже было ей в минус.

– Директриса была с этим не согласна.

– Кстати, а как Уитби все это разведал? – спросила она как бы между прочим, и Контроль понял, что выражением лица подтвердил ее предположение о своем источнике. Прости, Уитби, что я тебя сдал. Зато это же поведало ему, что Грейс обеспокоена тем, что Уитби с ним говорил. Не означает ли это, что Уитби – креатура Чейни?

– Но директриса была не согласна, – продолжил он натиск.

– Да, – признала она. Контролю было любопытно, какого рода это было предательство. – Не согласна. Она думала, что все это – *плюсы*, что мы чересчур озабочены обычными критериями пригодности. Так что мы пошли у нее на поводу.

– Даже несмотря на то, что она распорядилась эксгумировать членов предыдущей экспедиции и подвергнуть их повторному исследованию?

– Где вы об этом услыхали? – с искренним изумлением спросила Грейс.

– Не говорит ли это о пригодности самой директрисы?

– Нет, – отрезала Грейс. – Нет, не говорит.

Восхитительная преданность.

– Она что-то заподозрила, не так ли? – Согласно досье, Центр считает, что даже если уникальное состояние полной прочистки мозгов предыдущей экспедиции и не сигнализирует ни о каких сдвигах ситуации в Зоне Икс, это может сигнализировать о сдвигах в директрисе.

Грейс вздохнула, словно он ее уже утомил:

– Она подозревала, что они могли… измениться… с момента аутопсии. Но раз вы спрашиваете, то уже знаете.

– И как? Изменились?

Исчезли. Воскресли. Вознеслись на небо.

– Нет. Они разлагались чуточку быстрее, чем следовало ожидать, но в общем – нет, не изменились.

Интересно, в какую долю уважения и любезности обошлось это директрисе. Не сложилось ли так, что к моменту, когда она заявила, что отправляется в двенадцатую экспедицию, кое-кто из сотрудников испытал не тревогу или озабоченность, а странное облегчение с примесью чувства вины, гадал Контроль.

У него был еще вопрос, но Грейс подвела черту, уже развернувшись на пятке и увильнув в другой коридор этого лабиринта.

В конце дня, уже собираясь уходить, Контроль снова натолкнулся на Уитби в кафетерии, в районе которого тот слонялся, словно не желая спускаться в казематы к остальным ученым. Или словно его выслали в бессрочную командировку с заданием держать Контроля подальше.

В помещение залетела и никак не могла выбраться небольшая черная птичка, и Уитби, задрав голову, смотрел вверх, где она перелетала от одного потолочного окна к другому.

Так что вопрос, заготовленный для Грейс, достался Уитби:

– Уитби, а почему так мало дневников возвращено из экспедиций – в разы меньше, чем людей?

Уитби был все еще зачарован полетом птицы, вертя головой, как кот, чтобы уследить за каждым движением. Пристальность его взора прямо-таки обескураживала, приводя в некоторое замешательство.

– Неполные данные, – ответил Уитби. – Но большинство вернувшихся говорили, что им просто не пришло в голову их прихватить. Или не считали, что это важно, или не чувствовали такого желания. Чувства тут играют важную роль. Они утрачивали потребность в диалоге, в общении, на манер того, как астронавты теряют мышечную массу. Большинство дневников вроде бы обнаружилось на маяке. Какое-то время этому особого значения не придавали, но когда мы просили последующие экспедиции достать их, те обычно даже и не пытались. Теряешь волю, стремления, а может, на первое место выступает нечто иное. А потом уже слишком поздно.

Отчего у Контроля возник неуютный образ, как некто или нечто в Зоне Икс входит в маяк и, сидя на груде дневников, читает их *вместо* Южного предела.

– Я могу показать вам кое-что интересное в одной из комнат рядом с научным отделом, имеющее к этому отношение, – мечтательным тоном проронил Уитби, по-прежнему отслеживая взглядом траекторию птицы. – Хотите посмотреть? – Его отсутствующий взгляд вдруг резко сфокусировался, упершись в Контроля. У того возникло ощущение, что перед ним два Уитби, один из которых притаился внутри другого. А то и три, вложенных друг в друга. Отчего тут же сработал сигнал тревоги.

– А почему бы вам просто не рассказать?

– Нет. Это надо показать. Это малость странновато. Чтобы понять, вы должны это видеть. – Теперь Уитби вроде бы и не волновало, увидит ли Контроль странную комнату, и в то же самое время волновало до чрезвычайности.

Контроль рассмеялся. С тех пор как он пришел во внутренний терроризм, уйма народу показывала ему безбашенные штуковины. А сегодня ему говорят сплошь безбашенные вещи.

– Завтра, – сказал он. – Посмотрю завтра.

Или нет. Никаких сюрпризов. Никакого удовольствия хранителям странных секретов. Никаких странностей раньше времени. На один день с него довольно, и так придется препоясать чресла за ночь, чтобы набраться духу для повторного столкновения. С людьми, желающими тебе что-то показать, штука в том, что порой их стремление наделить тебя знанием сдобрено толикой вуайеристического садизма. Они ждут Взгляда или Реакции, и им плевать, что это, если только оно вызвало некий дискомфорт. Интересно, не подставила ли Грейс Уитби после разговора, подстроив какой-нибудь розыгрыш, заставив сунуть руку куда-нибудь, чтобы обнаружить, что та покрыта дождевыми червями, или открыть коробку, из которой выскочила пластиковая змея.

Теперь птица хаотически заметалась, спустившись пониже, так что разглядеть ее в свете заходящего солнца стало трудновато.

– Вам надо увидеть это сейчас, – заявил Уитби тоскливо-уязвленным тоном. – Лучше поздно, чем никогда.

Но Контроль уже повернулся к Уитби спиной, направляясь к выходу, а оттуда к

(благословенной) стоянке.

Поздно? И насколько же он опоздал, по мнению Уитби?

004: Возвращение

В машине было тесновато, чтобы перевести дух, пройти декомпрессию и трансформироваться из одного качества в другое. Городок Хедли расположен в сорока минутах езды от Южного предела на берегах реки, всего через двадцать миль вливающейся в океан. Хедли достаточно велик, чтобы обладать собственным лицом и культурой, но не настолько, чтобы превратиться в приманку для туристов. Люди переезжают туда, хоть он и малость не дотягивает до «города, где славно растить детей». Между бурлящими магазинчиками, сгрудившимися на одном конце короткой набережной, и дорогами, тянущимися под кронами деревьев, как под сводом, рассыпаны намеки на определенное качество жизни, несколько завуалированные торговыми пассажами, лучащимися вовне от окраин города. В нем есть маленький частный колледж с центром исполнительских искусств. Можно пробежаться вдоль реки или отправиться в поход по зеленой зоне. И все же при этом Хедли заодно не лишен своеобразной апатии, особенно летом, и может за одну ночь растерять обаятельность, став вялым и равнодушным. Перемену в настроении предвещает тишь и покой, когда бриз с реки стихает, и некоторые бары у самой набережной издавна стали притчей во языцех за внезапные, бессмысленные вспышки насилия – в такие места лучше не соваться, если ты не белый или не сойдешь за белого, да и тогда вряд ли стоит. Городишко будто увяз в прошлом, почти не переменившись с той поры, когда Контроль был подростком.

Местоположение Хедли пришлось Контролю кстати. Ему хотелось быть поближе к морю, но не на побережье. Некая неопределенность Зоны Икс породила в нем настоятельную потребность в этом отношении. Его сновидение каким-то образом возбраняло это. Сон вещал, что ему нужно держаться поодаль. В полете к месту нового назначения ему пришла в голову странная мысль, что жители прибрежных городков по обе стороны от Зоны Икс каким-то образом внутренне мутировали. Целые общины стали не такими, как прежде, хоть с виду и не скажешь. Подобные мысли следует и держать под спудом, и в то же время взращивать, если только ухитришься проделать подобный фокус. Нельзя позволить им снедать себя, но прислушиваться к ним надо. Потому что опыт Контроля подсказывал, что они отражают нечто подсознательное, некий инстинкт, перечить которому не стоит. Тот факт, что Южный предел даже три десятка лет спустя знает о Зоне Икс настолько мало, подсказывает, что даже иррациональные предосторожности могут оказаться не такими уж неразумными.

А уж Хедли-то ему знаком. В этот город они с друзьями начали приезжать поразвлечься на выходные, как только хоть один из них мог сесть за руль, даже зная, что это тоже дыра, вот только побольше, чем та, где жили они сами. Глухомань вдали от моря. Мать даже упомянула о городке при последней встрече. Залетела к нему на прежнее место работы на севере, где он мало-помалу съехал от анализа и руководства к более ситуационной и административной роли. Благодаря собственному багажу, как он догадывался. Благодаря тому факту, что всегда начинал резво, но потом, если засиживался на месте чересчур долго… когда-нибудь случалось что-нибудь – что-нибудь эдакое, с чем он не вполне мог совладать. Он становился чересчур вовлеченным. Чересчур проникался сочувствием – или чуть меньше, чем следовало. И впадал в замешательство, когда все шло прахом, потому что не мог припомнить момент, когда дело покатилось под уклон, и был по-прежнему убежден, что у него все схвачено.

Но мать приехала из Центра, и они встретились в конференц-зале – вероятно, нашпигованном жучками, как он понимал. Не путешествовал ли вместе с ней и Голос, устроившись в резервуаре с соленой водой в смежной комнате?

На улице стоял холод, и она была одета в пальто с шарфом поверх делового костюма и черные туфли на высоких каблуках. Сняв пальто, она держала его на коленях. Но шарфа не сняла. Вид у нее был такой, будто она готова сорваться с места в любой момент и упорхнуть за дверь, прежде чем он успеет щелкнуть пальцами. Он уже пять лет с ней не виделся – мать оказалась предсказуемо недостижима, когда он пытался передать ей сообщение о похоронах бывшего мужа, – но она почти не состарилась, каштановые волосы по-прежнему окружали лицо огромной копной, как у фотомодели, а голубые глаза расчетливо глядели с лица, на котором морщины притаились лишь в уголках глаз и, скрытые волосами, поперек лба.

Она сказала:

– Это будет вроде возвращения на родину, Джон, а? – подталкивая сына, желая, чтобы он это произнес, словно он морской желудь, прильнувший к скале, а она – чайка, пытающаяся убедить его ослабить хватку. – Тебе будет уютно в той обстановке. Тебе будет уютно с тамошним народом.

Ему пришлось подавить гнев с неуверенностью пополам. Откуда ей знать, права она или заблуждается? Она редко там бывала, хоть и не лишена была права посещения. Только они с отцом. Папа к тому времени уже начал опускаться: ел слишком много, пил лишнее. Вереница мимолетных увлечений, как только развод состоялся, а может, и еще до того (быть может, он был наивен), а после – нечто вроде строжайшего целибата, насколько Контроль мог судить, когда он вновь отдался искусству… вот только никому оно не было нужно. Наведя в его доме порядок и уехав в колледж, Контроль испытал виноватое облегчение, оттого что можно больше не жить в этой атмосфере.

– И, уютно устроившись в этом мирке, столь мне знакомом, чем же я займусь?

Она ему улыбнулась. Искренне. Контроль знал разницу, страдая несчетное число раз под тусклым желтым сиянием фальшивок, пытавшихся разогреть его любовь к ней. Когда она улыбается по-настоящему, когда это идет от души, лицо матери преисполняется красотой, изумляющей всякого, кто ее видит, словно она прячет свою истинную натуру под маской. В то время как люди, не кривящие душой, редко удостаиваются признания за то же самое.

– Это шанс исправиться, – сказала она. – Шанс стереть прошлое.

Прошлое. Какую часть прошлого? Работа на севере была его десятым постом лет за пятнадцать, что делает Южный предел одиннадцатым. Имелся ряд причин, причины есть всегда. Или – в его случае причина.

– И что я должен делать? – раз приходится все вытягивать из нее клещами, значит, это вряд ли придется ему по душе. Но он уже устал от однообразия на нынешнем посту, связанного не столько с наладкой, сколько с подмалевкой фасадов. Да и конторские интриги ему поднадоели. Может, по сути, именно это всегда и было его проблемой.

– Ты слыхал о Южном пределе?

Слыхал, по большей части от коллег, работавших там одно время. Смутные аллюзии, придерживающиеся легенды об экологической катастрофе. В лучшем случае слухи о веренице чудачеств руководства. Крайне разнящиеся слухи о том, что это далеко не все. Но, с другой стороны, оно всегда так. И услышав, как мать говорит эти слова, он не знал, взволнован или нет.

– А почему я?

В улыбке, предшествовавшей ее ответу, сквозила легкая печаль, сожаление или нечто вроде, заставившее Контроля отвести глаза. Когда она отправлялась на задание, прежде чем скрыться надолго, у нее выпадал короткий период, когда она писала ему от руки длинные письма – а он с почти равным успехом не находил времени или желания их читать. Однако хранил их, понимая, что профессия у нее опасная, и может сложиться, что когда-нибудь письма могут стать единственным, что от нее осталось. Но теперь он чуть ли не жалел, что она не написала ему о Южном пределе в письме, вместо того чтобы сказать это лично.

– Потому что этот департамент сокращают, хоть тебе это может быть и неизвестно, и тебя кладут на плаху. И как, тебе это подходит?

От этого под ложечкой пронзительно засосало. Очередная перемена. Очередной город. Правда в том, что после того, как Контроль вступил в контору, у него редко возникали озарения. Зачастую он чувствовал тяжесть и понимал, что мать, наверное, тоже ее чувствует, что она только разыгрывает равнодушие и легкость, скрывая от него бремя информации, истории и контекста. Все то, что изводит, даже если уравновешено электризующим ощущением, что пребываешь по ту сторону границы, где знаешь вещи, не ведомые больше никому.

– Это единственный вариант?

Ну конечно, единственный, раз она не упомянула никаких других. Конечно, единственный, раз она проделала весь этот путь лишь затем, чтобы поздороваться. Он знал, что он – паршивая овца, что его топтание на месте скверно отражается на ней. Он даже не догадывался, какие междоусобные сражения ведет она на высших уровнях конспиративных департаментов, настолько отдаленных от уровня его допуска, что с равным успехом могли бы парить в облаках, среди ангелов.

– Это было бы нечестно, Джон, я знаю. Но это может быть для тебя последним шансом, – проговорила она уже без улыбки. Без малейшего намека на улыбку. – По крайней мере, это последний шанс, который я смогла выбить для тебя.

Последний шанс получить постоянную должность, покончить с кочевой жизнью, или вообще? Удержаться в агентстве?

Спросить он не осмелился, уж слишком глубоко в него вселила она холодный клубящийся страх. Он и не знал, что нуждается в последнем шансе. Страх угнездился настолько глубоко, что вытолкнул из его головы большинство прочих вопросов. Значит, у него нет и минутки, чтобы поразмыслить, не явилась ли она не только ради того, чтобы сделать сыну любезность. Может, ей *нужно*, чтобы он сказал «да».

И крючок соблазна, чтобы уравновесить его страх, заброшенный беззаботно и в самый подходящий момент, и он ничегошеньки не мог поделать со своей реакцией:

– Ты разве не хотел бы знать больше, чем я? Прими этот пост – и будешь.

Это правда. Хотел бы.

И когда он согласился на Южный предел, она его обняла, чем сильно удивила.

– Чем ближе, тем безопаснее, – шепнула она ему на ухо. Ближе к чему?

От нее исходил легкий аромат дорогих духов, чуточку напоминающий запах сливовых деревьев на заднем дворе старого дома, в котором они жили все вместе на севере. Крохотный садик, о котором Контроль до этого мгновения и не вспоминал. Качели. Соседский маламут, вечно без особого усердия гонявший его по тротуару.

К моменту, когда вопросы в нем наконец вызрели, было уже поздно. Она уже надела пальто и скрылась без следа.

Разумеется, не было даже никаких записей о ее прибытии или убытии.

Ко времени, когда он свернул на подъездную дорожку, на Хедли уже опустились сумерки, сулящие ночную передышку от жары. Арендованный им дом расположился примерно в миле вверх по пологому склону холма, сбегавшему к реке. Маленький, в 1300 квадратных футов, кедровый домик, покрашенный в голубой цвет, с белыми ставнями на окнах, слегка покоробившимися от жары. Две ванных, хозяйская спальня, гостиная, кухня-столовая, кабинет и просторная летняя терраса в глубине. Внутренний декор целиком выдержан в приторном, но комфортабельном стиле «фамильного шика». Перед фасадом клумбы с травами и петуньями, переходящие в короткий отрезок газона рядом с подъездной дорожкой.

Когда он уже поднимался по ступенькам крыльца, из кустов сбоку выпрыгнул Эль Чоризо, тут же подвернувшийся под ноги. Эль Чоризо[4] – громадный черно-белый кот, этакий ломовой конь кошачьей породы, названный так отцом. Семья раньше откармливала свинью по кличке Эль Гато[5], так что отец таким образом пошутил. Контроль забрал питомца к себе года три назад, когда рак отца зашел уже достаточно далеко и Эль Чоризо стал обузой. Он всегда был дворово-домашним котом, и Контроль решил позволить ему оставаться таким и в новой обстановке. Очевидно, решение правильное: Эль Чоризо, или Чорри, как называл его Контроль, выглядел бойким и уверенным, хоть его длинный мех уже свалялся и перепачкался.

Они вместе зашли в дом, Контроль на кухне дал коту консервов, погладил его пару минут, потом прослушал сообщения на автоответчике – проводном телефоне только для «штатских». Сообщение было только одно – от Мэри Филлипс, бывшей его девушкой до разрыва месяцев шесть назад, желавшей убедиться, что его переезд прошел успешно. Она пригрозила нагрянуть с визитом, хоть он и не сообщил ей своего точного местонахождения и только-только снова привык спать один. «Без обид», и теперь он даже не мог толком припомнить, кто с кем порвал – он с ней или она с ним. Обиды случались редко, что казалось ему диковинным и неправильным. Ведь должны же быть обиды? Девушек было почти столько же, сколько и постов: обычно они не могли пережить или переезда, или его бдительности, или его свободного графика, а может, ему встречались не те, кто нужен. Уверенности он не питал, и по мере повторения циклов пытался выжать из первых месяцев как можно больше накала и близости, предчувствуя, чем все кончится. «Ты странный игрок», – сказала Мэри однажды, оставшись у него на ночь, когда он уже сделал на нее заход. Но на самом деле он не игрок. Он и сам не знает, кто он такой.

На звонок он отвечать не стал, вместо того пройдя в гостиную и усевшись на диван. Чорри тут же свернулся рядышком, и Контроль рассеянно погладил коту голову. Так он сидел довольно долго, слушая, как крапивник или кто-то вроде копается в земле под самым окном. Кроме того, послышался клич пересмешника и долгожданный писк летучих мышей, отправившихся на ночной промысел за насекомыми. Летучие мыши теперь стали в диковинку.

Все так похоже на то, что знакомо с юных лет. Он решил позволить себе считать это чувство комфортным, как и дом, тем самым помогая себе поверить, что эта работа надолго. Но «всегда надо располагать стратегией отхода», как вдалбливала ему мать до тошноты с первого же дня обучения, так что он припрятал в двойном дне чемодана стандартный пакет, прихватив с собой не только стандартное личное оружие, но и один из пистолетов, лежащих

вместе с паспортами и деньгами.

Контроль уже распаковался – еще повод для него не желать останавливаться в гостиничном номере или апартаментах. Одна лишь мысль о необходимости оставлять изрядную часть своих вещей в камере хранения причиняла ему муку. На кирпичный камин, сооруженный более для виду, он поставил шахматную доску с маленькими, ярко раскрашенными деревянными фигурками, ставшими последним редутом отца. Когда его карьера забуксовала, отец продавал их в местные сувенирные лавки и работал в общественном центре. Время от времени за последнее десятилетие жизни отца какой-нибудь коллекционер произведений искусства покупал ту или иную из громадных художественных инсталляций, ржавевших под брезентом на заднем дворе, но это больше смахивало на явление призрака, путешественника во времени, нежели на возрождение интереса. Шахматная доска, застывшая во времени, показывала ход их последней совместной игры.

Если бы он не заставил себя стащиться с дивана, то просидел бы там всю ночь. Так что отправился в спальню, переоделся в шорты, футболку и кроссовки. Чорри поглядел на него, будто собирался составить компанию.

– Да знаю, знаю, я только что пришел домой. Но я вернусь.

Он выскользнул через входную дверь, решив оставить Чорри в доме, надел наушники, включил одно из любимых классических произведений и рванул вдоль по улице с вереницей тусклых фонарей. К этому времени сумерки сгустились окончательно, осталась лишь синяя дымка внизу над рекой да огни в окнах, а над отраженным сиянием города в высоте небес проглянули первые звезды. Жара спала, но неумолчный стрекот сверчков и прочих насекомых возвращал ее призрак.

Правую четырехглавую тут же слегка свело, но он знал, что скоро отпустит. Начал не спеша, давая себе время оглядеть окрестности, по большей части небольшие домики вроде его собственного, с рядами кустов вместо изгородей, и улицы, тянущиеся параллельно гребню холма, с пересекающими их улочками, сбегающими прямо вниз. Он был отнюдь не против их петляний, ему хотелось отмахать добрых три-пять миль. Возле некоторых домов на него волнами накатывал насыщенный аромат жимолости. Кроме сидящих на качелях и выгуливающих собак, да парочки скейтбордистов, народу на улицах почти не было. Большинство кивали ему, когда он пробегал мимо.

Ускорившись и войдя в ритм, направляясь все вниз и вниз, к реке, Контроль оказался в пространстве, где мог обмыслить этот день. Он все продолжал проигрывать в уме встречи, особенно допрос биолога. Все прокручивал бездну информации, обрушившейся на него сегодня. Завтра будет новая, и послезавтра тоже. Новая информация наверняка будет поступать еще какое-то время, прежде чем начнут напрашиваться какие-либо выводы.

Он мог бы попытаться не вовлекаться на этом уровне. Мог бы попытаться существовать лишь на некоем абстрактном уровне руководства и администрации, но полагал, что на самом деле Голос хочет от него совсем не этого – да заместительница директора и не *позволила* бы ему это сделать. Как может он быть директором Южного предела, не понимая нутром, с чем сталкивается там персонал? Он уже запланировал на этой неделе как минимум еще три беседы с биологом, а также турне по точке входа в Зону Икс на границе, понимая, что мать ожидает от него расстановки приоритетов сообразно ситуации на месте.

И пока он бежал, граница буквально не отпускала его. Абсурдность ее существования в том же мире, где и город, по которому он бежит, и музыка, которую он слушает. Крещендо

струнных и духовых.

Граница невидима.

Вроде бы обладает шириной и глубиной.

Не допускает полумер: уж если коснулся, она тебя втянет (или перенесет?).

Ее снабдили демаркационной линией, включая и простирающуюся на милю в море. Военные установили понтоны и неустанно патрулируют местность.

Любопытно, подумал он, перепрыгивая низкую стену, оплетенную побегами кудзу, и срезая угол между улицами по направлению к разрушающемуся каменному мосту. На миг задумался об этих неустанных патрулях: видели они что-нибудь среди волн, или их жизнь – лишь выматывающее кишки серо-синее однообразие день за днем.

Граница простирается миль на восемьдесят в глубь суши от маяка и миль по сорок к востоку и к западу вдоль побережья. Восходит почти до тропосферы, а под землей оканчивается чуть выше астеносферы.

В ней есть дверь или проход в Зону Икс.

Ее могло создать не то, что создало Зону Икс.

Он миновал угловую бакалею, аптеку, соседний бар. Пересек улицу, едва не напоровшись на женщину на велосипеде. Сбегая с тротуара на обочину, когда приходилось, желая побыстрее добраться до реки, не испытывая энтузиазма по поводу бега обратно вверх по склону холма.

Со стороны моря под границу никак не поднырнешь. Со стороны суши не подкопаешься. Не пробьешься через нее ни хитроумной аппаратурой, ни радаром, ни сонаром. Глядя сверху со спутника, увидишь лишь пустоши в реальном времени, ничего экстраординарного. Хоть это и оптическая ложь.

В ночь своего явления граница захватила с собой корабли, самолеты и грузовики – все, что оказалось на воображаемой, но чересчур реальной линии в момент ее творения и в последующие часы, прежде чем кто-либо сориентировался, что творится, сообразил, что надо держаться от нее подальше. Заунывные стенания металла и вибрация двигателей, продолжавших работать, исчезая… в нечто, куда-то. Саднящее, апокалиптическое видение, боевые рубки эсминца в море, «сползающие в никуда», как выразился один из наблюдателей. Последние истерические сообщения от людей на борту, по видео и радио, пока большинство бежали назад в бурлящей, вздымающейся волне, на зернистом видео с вертолета выглядевшей, будто некая циклопическая тварь, спрыгивающая в воду. Потому что они должны были вот-вот исчезнуть и ничего не могли с этим поделать, и все осложнялось туманом. Впрочем, некоторые просто стояли, глядя, как их корабль уходит в небытие, а потом перешли, погибли, отправились куда-то еще или… Постичь этого Контроль не мог.

Уклон сошел на нет, и он снова бежал по тротуарам, на сей раз минуя типовые торговые пассажи, и сетевые магазины, и людей, переходящих на красный свет, и людей, садящихся в машины на парковках… пока не добрался до главного променада перед рекой – мельтешение ярких огней и еще больше пешеходов, некоторые пьяные, – пересек его и оказался в тихой округе мобильных и крохотных шлакобетонных домиков. Он уже порядком пропотел, несмотря на прохладу. Кто-то затеял барбекю, и все замерли, чтобы поглядеть на него, когда он пробегал мимо.

Мысли его вернулись, как возвращались весь день, снова к биологу. К необходимости узнать, что биолог видела и испытала в Зоне Икс. Осознавая тот факт, что заместительница директора вполне может привести в исполнение угрозу умыкнуть ее. Осознавая, что

заместительница директора хочет воспользоваться неопределенностью, чтобы вынудить его принимать необоснованные решения.

Односторонняя дорога, обрамленная сорняками и усеянная гравием из рытвин, вывела его к реке. Из нимба ветвей он выскочил на шаткий понтонный причал, подогнув колени, чтобы удержать равновесие. И там, в конце причала, рядом с привязанным к нему гоночным катером, наконец остановился. За рекой огней почти не было видно – просто небольшие скопления там и тут, сущий пустяк по сравнению с буйным всплеском света слева от него, где поджидал променад под нарочитой туристской завлекаловкой дурацких псевдовикторианских фонарных столбов, увенчанных шарами, наполненными чем-то вроде расплывчатых яиц всмятку.

Где-то по ту сторону реки, левее, расположена Зона Икс – за много миль отсюда, но все равно видимая как тяжесть, тень, проблеск. Экспедиции возвращались или не возвращались, когда он еще только кончал школу. В тот же период психолог трансформировалась в директрису. Разыгрывалась целая тайная история, пока они с друзьями мотались в Хедли, собираясь залудить пивка и найти тусовку – не обязательно именно в таком порядке.

Мать позвонила ему за день до того, как он сел на самолет, чтобы лететь в Южный предел. Они немного поговорили о его связи с Хедли. Она сказала: «Я знаю этот район лишь потому, что там был ты. Но ты этого не помнишь». Да, он этого не помнил. Равно как не знал, что она немного поработала в Южном пределе, и этот факт и удивил, и ничуть не удивил его. «Я работала там, чтобы быть поближе к тебе», – сообщила она, и что-то в его душе смягчилось, хоть он и не знал, стоит ли ей верить.

Купить полную версию книги

---

notes

Примечания

1

S e v e r a n c e (*англ.*) – раскол, разрыв, полное прекращение отношений (*здесь и далее: прим. перев*).

2

В наружном наблюдении к о н т р о л ь – человек, управляющий командой дистанционно, обычно с помощью электронных средств связи.

3

К в о т е р б е к – в американском футболе – лидер атакующего состава, самая важная и заметная роль в команде.

4

Ч о р и з о – копченая свиная колбаса.

5

G a t o (*исп.*) – кот.